

С-147-из.
304071

ПЕТР САЖИН

ЩИТ СЕВАСТОПОЛЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНЫЙ КРЫМ“

1945

Цена 3 руб.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00747825

9

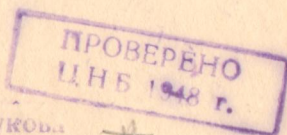
1) 8(1/2)
2) Мамант. -
Себастьянов.
3) 32139

C-146 исе.

ПЕТР САЖИН

ЩИТ СЕВАСТОПОЛЯ

(Записки военного корреспондента)

Центральна наукова
Бібліотека при ХДУ,
Інк. № 304071

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНЫЙ КРЫМ“

1945

58

1917-1918

UNITED STATES DEPARTMENT OF AGRICULTURE

(OFFICE OF THE ASSISTANT SECRETARY)

1917-1918

1917-1918

1917-1918

1917-1918

1917-1918

1942

1943

□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

МЫ ВХОДИМ В ГОРОД

За несколько дней до того, как по приказу Верховного командования Красной Армии наши войска оставили город, я вылетел из Севастополя на самолете. В воздухе мы были три часа. Когда самолет приземлился на одном из кавказских аэродромов, к нам подошел человек. Он спросил меня: „Ну, как там?“ В ушах у меня все еще стоял шум от моторов самолета. Я ничего не слышал, поэтому заставил себя внимательнее посмотреть на спросившего меня человека. Он ел вишни, ловко забрасывая себе в рот по одной ягоде. Я посмотрел на вишни, и вдруг те три часа, которые отделяли меня от Севастополя, куда-то исчезли. Мне представлялось все, что было „там“, как будто все начиналось сначала.

Спелые сочные вишни. В них много вкусного кисло-сладкого сока, они хорошо утоляют жажду. В Севастополе нехватало воды: немцы разбили водопровод,—приходилось пить всякую дрянь, сдобренную хлором. От севастопольской воды пахло полевым госпиталем. Но в июньскую жару, когда со степей и из балок доносился горький запах трав и порохового дыма, мы пили эту воду, как самый лучший напиток. Мне вспомнилось...

Я получил распоряжение своей редакции немедленно отбыть в Севастополь и передать оттуда несколько тысяч слов по телеграфу. Телеграмма эта застала меня на кавказском берегу. Через час после получения этой телеграммы в Севастополь отходил самый быстроходный корабль Черноморского флота—лидер „Ташкент“. Я перешел на него. Это было 19 июня.

Мы шли несколько часов. Когда пали сумерки, мы подходили к Севастополю. Уже издали угадывалось, что делалось в осажденном городе. Корабль шел тихим ходом. В тусклом свете луны море было едва заметно... Но зато далеко впереди высоко чернели холмы Севастополя, освещенные заревом пожара. В небе над городом тянулись скрещенные мечи прожекторных лучей, мелькали разноцветные строчки пулеметных трасс, взвивались ракеты и доносился гул снарядов. Когда мы подходили к берегу, где должен был пристать „Ташкент“, совсем близко от нас разгорелась ожесточенная артиллерийская дуэль. Бризантные снаряды, очереди трассирующих пуль, гул орудий, вой мин—все это сливалось в какую-то дикую музыку.

В темноте, едва рассеиваемой слабым лунным светом, мы увидели разбитые дома, сгоревшие склады, десятки автомобилей, сотни людей, приветствовавших корабль. Тут были женщины и дети, старики и раненые.

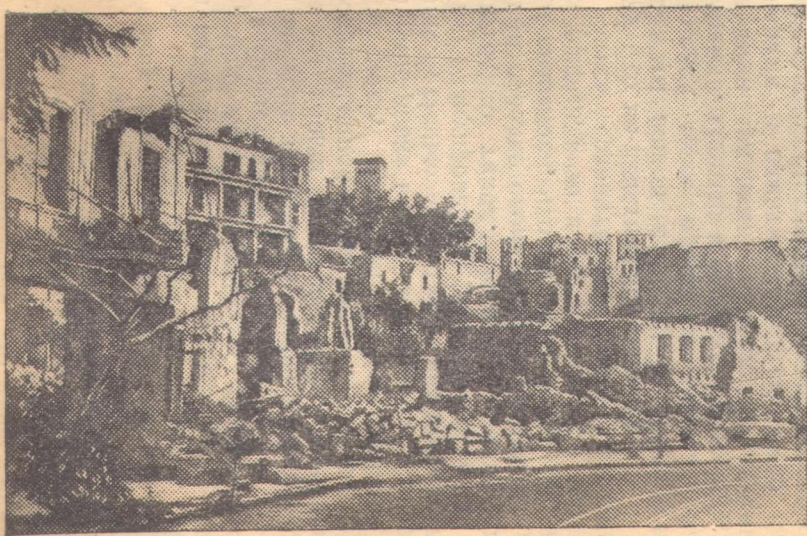
Я вместе с другими пассажирами быстро сошел с корабля: каждую секунду немцы могли начать обстрел его. До города было несколько километров. Часть пути нам удалось подъехать на автомобиле, а дальше пробирались пешком. Шли вместе с колонной. Было двенадцать часов ночи.

Немцы вели обстрел „по площади“, т. е. били по квадратам и особенно старались взять на прицел дороги и перекрестки. Но наша группа двигалась все вперед и вперед к городу, над которым сверкал чудовищный фейерверк войны. Часть пути мы ползли. Иногда лежали по несколько минут, уткнув голову в пыль или сухую колючую траву. Над нашими головами то и дело с визгом и сопением пролетали снаряды. Но они не пугали никого. Отряхнувшись и отшутившись, люди шли все вперед и вперед—всех тянуло к Севастополю.

На востоке занималась тонкая пелена рассвета, когда мы вошли в город. Война сделала ночь покровительницей Севастополя. Ночью передвигались люди, машины. Ночью производилась перегруппировка войск, подвозились снаряды и питание. Ночью работали продовольственные пункты, эвакуировались раненые. Эта ночь была сравнительно тихой. Правда, я считал по секундной стрелке своих часов количество разрывов, и оказалось, что на каждую секунду приходился разрыв, а то и два вместе. Но это считалось здесь сравнительно тихой обстановкой, потому что не действовала авиация.

Когда мы вошли в город, в предрассветной мгле перед нами предстала ужасная картина разрушений. Одетый в зелень Севастополь, с его маленькими улицами, каменными лестницами, бульварами и памятниками, так живо и ярко напоминавшими былую немеркнущую славу, представлял собой груды развалин.

Уцелевшие дома похожи на скелеты: в окнах нет стекол, вышиблены двери. Груды стекла, воронки на улицах, вздыбленные рельсы, разбитые

Севастополь представлял собой груды развалин.

в щепы дерева с опущенными на камень мостовой и продолжавшими зеленеть ветками. Улицы завалены обрушенными стенами, балками и домашним скарбом. Продвигаясь дальше, мы наткнулись на детскую колясочку, которая одиноко стояла под разбитой стеной.

— Смотри, стоит!—сказал шедший со мной рядом матрос-пулеметчик своему другу-разведчику, увешанному гранатами, и, обращаясь ко мне, разъяснил:

— Дитё, чья эта колясочка, и ее мамашу мы спасли из этого вот дома. Они сейчас на Большой земле. А вот колясочку тогда второпях не успели прихватить. Ишь, стоит! Ну и дела!

В некоторых домах, где оставались еще две стены, мы видели чудом уцелевшие книги, столы, картины на стене.

Город разрушен недавно. Во время первого и второго штурмов немцы вели лишь редкий артиллерийский обстрел, рассчитанный на моральное воздействие, на дезорганизацию городской жизни. Они надеялись взять Севастополь целым. К тому же это было зимой—им нужны были зимние квартиры.

Из перехваченных документов было известно, что командующий войсками в Крыму генерал Манштейн рассчитывал взять Севастополь в 3—4 дня. Поэтому немцы в первые дни и третьего штурма не подвергали город интенсивной бомбардировке. Но когда прошли эти дни, когда стало ясно, что Севастополя с марша не взять, немцы решили смести с лица земли город и его предместья, расчистить путь танкам и завершить таким образом захват Крыма. Над Сева-

стоподем появились сотни самолетов. Девятого июня на город было произведено свыше тысячи самолетовылетов.

С тех пор с рассвета и до сумерек над городом кружились самолеты. Они пикировали даже на аптеки и киоски с прохладительными напитками. Они бросали бомбы на бульвары и клумбы с цветами. Истребители охотились за каждым человеком, проходившим по улице. Тяжелые батареи били по городу. С воем и отвратительным треском рвались на улицах мины. Немцы били, разрушали, жгли город в надежде, что над Севастополем подымется белый флаг.

Но любой боец севастопольского гарнизона скорее ударил бы себя в грудь ножом и вылил бы всю свою кровь на белый кусок материи, чем дал бы ветру подхватить его над головой.

ТАНЯ

Уже светало. Спустившись к бухте, мы увидели моряка с замотанной бинтами головой. Через бинты просачивалась кровь. Он только что пришел с передовой.

— Ну, как там?—спросил я его. Он махнул рукой рубящим движением и хриплым голосом возбужденно сказал:

— Бьем, товарищ командир, бьем гадов. Они, как вши, ползут, а мы их давим.

Увидев у меня флягу, он быстро протянул руку и прохрипел:

— Пить!

Я отвинтил пробку и подал ему флягу с водой.

Он жадно припал к ней. Опустив флягу, он свалился и потерял сознание. Мы наклонились над ним. В это время подошел кто-то сзади и властно сказал:

— Пустите!

Это была молоденькая девушка-санитарка, одетая в армейский костюм.

— Таня!—воскликнули оба мои спутника-моряка.—Ты жива?

— Как видите!—ласково ответила она и занялась раненым.

Эта девушка известна всему Севастополю. Когда отца ее убило на фронте, ей с матерью предложили выехать на Большую землю. Они отказались. Таня стала санитаркой-добровольцем в городе. Она ходила с санитарной сумкой по улицам. Вытаскивала пострадавших из-под обломков, подбирала упавших на улице. Ее дом был разбит. Тогда они с матерью поселились в подвале большого дома, где раньше был аптечный склад.

Глядя на этого человека, который в пылу боя не заметил, что он смертельно ранен, глядя на Таню, я подумал: „Нет, такие люди примут смерть, отдадут по капле всю кровь, но не подымут белого флага“.

ИВАН ИВАНОВИЧ БОГАТЫРЬ И ДРУГИЕ

До сих пор во все времена, у всех народов, в больших и малых войнах, высшей оценкой воинской доблести было сравнение с храбростью льва. „Они дрались, как львы,“—говорилось про

героев, совершивших необычайный подвиг. В дни Отечественной войны не было высшей похвалы, чем следующая: „Они дерутся, как севастопольцы“.

Севастополь—это беспредельное мужество, это железная стойкость, это крылатая отвага. Севастополь—высшая категория доблести. Севастополь—слава бессмертия.

Мы видели севастопольцев в боях, мы долго будем помнить их суровые, опаленные порохом лица.

Мы видели человека, которого в один день узнал весь севастопольский гарнизон. Тогда он только что вырвался из окружения. Он стоял в кругу бойцов, вытирая пыльное загорелое лицо, и мягким, так не гармонировавшим с его внешностью голосом говорил:

— Взял я его за горло—он как запищит по-своему. „И весь-то с вшивую душу, а тоже лезешь“,—говорю ему, а он, как на холоду, сразу посинел. Плюнул я ему в бесстыжие глаза и грохнул об землю. Фрицы опешили. А я тем временем махнул в овраг. Ну, вот и вся история. Дайте закурить.

Ему с готовностью протянули несколько кисетов. Он свернул толстенькую „козью ножку“. Сел на камень и, качая головой, о чем-то думая, время от времени между затыжками говорил: „Да-а, дела“.

Это был пулеметчик-ефрейтор Иван Иванович Богатырь. Обстановка сложилась так, что он остался со своим пулеметом один против большой группы противника. Несколько часов он сдерживал натиск врага. Ствол его пулемета накалился до предела. Целый взвод немецких сол-

дат полег перед пулеметом. Но это не остановило немцев. Со всех сторон они ползли к ефрейтору, ползли медленно, как ползет сытая вошь, переваливаясь, блестя серыми боками. Им удалось окружить пулеметчика. Его живьем хотели взять враги. Иван Богатырь был ранен. Зажав рану, он прижался к пулемету и, закусив губы, продолжал стрелять. Он бил так, чтобы разорвать кольцо окружения. Когда кольцо было разорвано, у него кончились патроны. Иван Богатырь затянул потуже повязку. Потом вышел из строя пулемет. Не спеша, он встал и пошел во весь рост. В руках у него не было никакого оружия. Фашистский офицер преградил ему дорогу. Иван Богатырь схватил его за горло, встряхнул, затем плюнул в посиневшее лицо, бросился вперед и быстро скрылся за холмами.

* * *

Лейтенант Шостка с группой бойцов попал в окружение. У них не оставалось ничего, кроме противотанковых гранат. По команде лейтенанта каждый бросил по одной гранате. Несколько немцев полегли навеки на севастопольской земле. Осталось по одной гранате. Бойцы залегли. Рассеялся дым взрыва. Наступила тишина. Лейтенант ожидал, что будет дальше. Ждали и немцы. Прошло несколько минут. Видя, что советские бойцы не поднимаются, немцы стали кричать:

— Русс, сдавайся!

Тогда лейтенант Шостка обратился к бойцам:

— Товарищи, за нами Севастополь. Умрем героями за наш любимый город!

Он встал, крикнул: „Лучше смерть героя, чем позор плена!“ и кинулся в гущу немцев. Раздался взрыв гранаты, которую он прижимал к груди. Лейтенант Шостка был разорван на куски, а с ним погибли четыре немца.

Примеру своего командира последовали и остальные. Один за другим выбегали сержант Кильманов, младший сержант Пархоменко, красноармейцы Захаров, Буянов и Больников.

— Да здравствует Севастополь!—кричали они и, подбежав к фрицам, подорвались на гранатах. Вместе с ними погибло 20 немцев.

* * *

В течение одного дня немцы сбросили на гвардейскую батарею майора Матушенко 800 бомб и 700 снарядов. Кругом стояла пыль. Все, кто был в стороне от этой батареи, думали, что ей пришел конец. Но опала пыль, рассеялся дым, и батарея вновь повела огонь. Гвардейцы разбили 30 танков.

Однажды с северного участка фронта пришли шесть моряков. Они были мокры до нитки, вода стекала с них ручьями. Это были артиллеристы-гвардейцы батареи майора Матушенко: старший сержант Николай Бабайцев, младший сержант Виталий Брагин, младший сержант Нагибин, сержант Холдеев и краснофлотцы Толстоноженко и Беленков. Прикрывая отход батареи, они два дня отбивались от немцев. Бились до последнего снаряда. Их бомбили, обстреливали из пушек и минометов, но они не дрогнули. Когда был израсходован последний снаряд, артиллеристы взорвали батарею и, отбиваясь гранатами,

отошли к берегу. Прижатые к морю, они бросились в полном снаряжении в воду, а Бабайцев захватил с собой даже оружие. Они проплыли 1200 метров.

— Ну, как?—спросили их.

— Ничего,—ответил Бабайцев,—маловато было снарядов у нас, а то бы держались дольше.

НА РЕДАКЦИОННОМ ПРОВОДЕ

В редакции краснофлотской газеты раздался телефонный звонок. Звонил корреспондент этой газеты с передовой линии. Кроме редактора, в редакции никого не было. Редактор взял карандаш и сел записывать. Вдруг во время работы вмешался какой-то голос.

— Не мешайте работать!—раздраженно сказал редактор. Голос умолк. Но после небольшой паузы снова вмешался.

— Товарищ редактор!—раздалось в трубке.

— В чем дело? Кто там мешает?—нервничал редактор. Он принимал очень интересный материал, и ему было досадно, что прерывали его разговор с корреспондентом.

— Товарищ редактор!—повторил тот же голос.

— Что вы хотите?—еще резче спросил редактор.

— Товарищ редактор,—снова раздалось в трубке.—Это я—связист. Я сижу на столбе. Я раненый, и меня сейчас атакует „Мессершмитт“. Пожалуйста заканчивайте разговор, а то я не удержусь на столбе.

Редактор ошеломленно откинулся. Голос его стал мягок, почти робок.

— Так вы слезайте, а я уж как-нибудь обойдусь,—сказал он.

— Нет, товарищ редактор, вы принимайте, только побыстрее, пожалуйста.

— Товарищ связист, скажите мне вашу фамилию!—спохватился редактор.

Но ему никто не ответил.

СТЕНА

Севастопольское предместье. Пыльная дорога. Виднеется выжженная нестерпимым южным солнцем степь. Рыжие холмы. Беленькие хаты, крытые черепицей. Июнь. Жара. На холмах и дороге то и дело вздымаются серые фонтанчики. Воздух звенит, содрогается и стонет от тяжелой артиллерийской канонады, от разрывов бомб.

Мы идем мимо стены. Она сложена из крупных камней, позеленевших от времени. Некогда к ней примыкал большой дом. В нем жил ученый. За стеной был сад. По камням кверху полз буйный плющ. Сейчас в стене брешь. Сад, посреди которого была большая клумба цветов, исковеркан. словно костер с неугасимым пламенем, эта клумба пылала волшебным огнем. Теперь от нее остались лишь груды земли и искореженные стебли цветов. Кругом разбросаны, как брызги крови, лепестки. Бомба попала в клумбу. Дом разбит. Осталась лишь часть его. В одной из комнат, выходившей теперь наружу, каким-то чудом уцелели книжные шкафы и скошенная на бок картина. На ней изображен адмирал Нахимов. Он стоит на Малаховом кургане, смотрит на бухту, сжав в левой руке подзорную трубку.

Рассматривая картину, мы не заметили, как перед нами из-за развалин появился старик. У него была седая, ярко блестящая, словно молодое серебро, борода и длинные острые усы. Большие глаза подернуты усталостью. Над нами раздался свист бомбы. Я успел взглянуть на небо. Высоко над городом плыло пушистое и мягкое, словно белый лебедь, облачко. Под ним шли три немецких бомбардировщика. Они издавали отвратительный звук: „вау“, „вау“, „вау“. От крыльев их оторвались черные бомбы.

— За мной!—крикнул старик.

Мы кинулись за ним. Но не успели укрыться—бомба упала близко. Воздушной волной нас сбilo с ног. Остаток дома, к стене которого мы прижались, задрожал, словно в лихорадке. Из окон верхнего этажа посыпались остатки стекол. Я посмотрел на старика: в его глазах сверкал суровый блеск.

Бойцы поднялись и хотели помочь старику.

— Сам! сам!—строго сказал он, поднимаясь.

Но не успел он подняться, как снова раздался свист. Бомба упала рядом. Она подняла на воздух облако пыли, груды кирпичей и каких-то обломков. Плотный, как морская волна, воздух снова сбil нас с ног.

Старик первый поднял голову.

— Живы все?—глухим голосом спросил он и хотел еще что-то сказать, но в это время упала еще одна бомба. Взрыв оглушил нас, и мы с трудом поднялись. Старик продолжал лежать. Очевидно, он сильно ударился при падении. Мы кинулись к нему и помогли встать на ноги, хотя он все время приговаривал: „сам“, „сам“.

— Живы?—спросил он.

— Живы, папаша. Все живы,—ответил один из бойцов,—а вот вас, кажется, трохи помяло.

Страхивая с себя пыль и оправляя противогаз, старик сказал:

— Вы думаете, я испугался? Нет! Смерть мне не страшна. Страшно только торжество смерти. У туркмен есть поговорка: „Кто боится воровьев, тот не сеет“. Хорошо сказано. Я уже стар—в этом вы могли убедиться сами. Но я хочу жить. И буду жить. Вы думаете, я несчастный? Вы думаете, мне не предлагали отсюда уехать? Да-с, молодой человек, предлагали, но я отказался. Я здесь нужен. Я ученый. До войны занимался восточными языками и разведением цветов. А в молодости был инженером. Видите мои руки? Я работаю сейчас на заводе. Мы делаем мины и гранаты для вас, для фронта. Интересно, неправда ли: садовод, лингвист и вдруг... мины, гранаты. У англичан есть поговорка: „Если ты не можешь делать то, что тебе нравится—пусть тебе нравится то, что ты делаешь“. Я знаю двенадцать языков, и на всех языках слово „смерть“ звучит так, как будто в это время кто-то опустошает вашу душу. А слово „жизнь“ озаряет. Жизнь—это цветок. Я люблю цветы. Но вот посмотрите, что немцы сделали с моими цветами. Посмотрите, что они сделали с этой чудесной стеной.

Мы посмотрели через вырванную бомбой дверь в сад: я знал это место, знал и этого ученого. Я до войны бывал в этом доме. У этого ученого, последние годы жившего переводами иранских поэтов, была великолепная библиотека и хороший сад, весь засаженный цветами. Цветы здесь были расположены так, что при взгляде

из окна кабинета взору представлялся чудесный ковер, где из цветов же было выписано слово „жизнь“.

Старик долго стоял и неподвижно смотрел на сад. Затем повернулся к нам.

— Да, я ведь пришел за книгами,—сказал он.— А вы идите. Кончится война, мы все восстанове-
вим. „Вита-вици“, как говорили древние,—жизнь
опять будет торжествовать. Я возвращу жизнь
и цветы. Пусть варвары бомбят город. Пусть
они разрушают наш прекрасный Севастополь. И
если они даже ворвутся в город и растопчут
своими грязными сапогами все, что дорого на-
шему сердцу, все равно торжества смерти над
нами не будет. Нет!—Он поднял сжатый кулак
вверх.—Всюду перед нами будет стоять стена,
которую нельзя разрушить, как они разрушили
вот эту. Это стена нашего непобедимого духа,
нашей неиссякаемой любви к жизни, нашей
воли к победе. Взятый город не есть побеж-
денный! Запомните это! Вам, молодым, нужно
это помнить вечно. И никогда не страшитесь
смерти и бремени переживаний. Идите и помни-
те, что говорил прекрасный персидский поэт
Омар Хаяма: „Если у тебя есть мужество, дело
не будет трудным“.

Старик скрылся в развалинах своего дома.
Мы пошли. Отойдя несколько шагов и оглянув-
шись, мы увидели, как ученый ходил по комнате,
в которой не было стены. Он осторожно выни-
мал из шкафов книги, сдувал с них пыль и бе-
режно складывал в стопу, очевидно, намеревался
убрать книги в убежище.

Мы осторожно, прижимаясь к уцелевшим зда-
ниям, пробирались к Карантинной бухте. Над

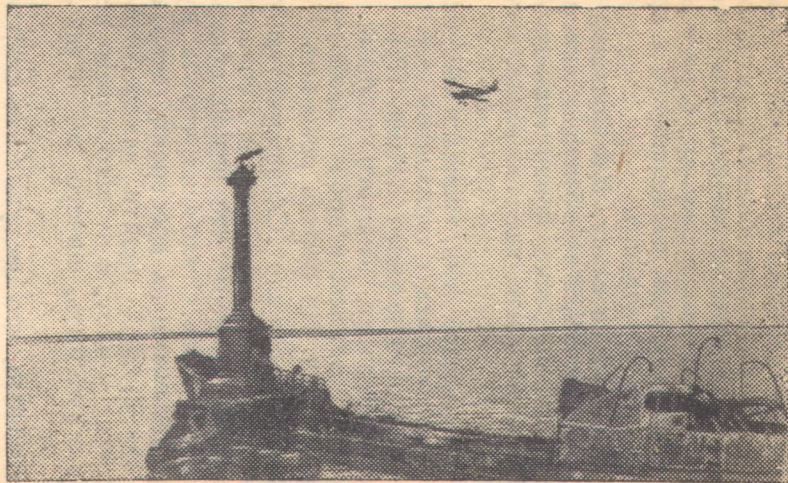
головой с воем летели мины и высоко пролетали тяжелые снаряды. У кладбища стучал пулемет. Это строчил наш зенитный расчет по снижавшемуся в пике самолету. Было видно, как пикировал самолет с большой, похожей на паука меткой на хвостовом оперении. Вдруг на нем вспыхнуло пламя. Затем отлетело крыло. Город стоял непоколебимо, как стена.

РАСКИНУЛОСЬ МОРЕ ШИРОКО

Это было в последние часы обороны Севастополя. Уходили корабли. С аэродрома поднялись последние транспортные самолеты. Но на суше еще продолжались бои. Потом ушли и эти части. Осталась лишь зенитная батарея, которая охраняла севастопольское небо. Но вскоре и эта батарея должна была прекратить свою огневую работу. Кончились снаряды. Артиллеристы решили уходить. Они взорвали свои пушки и направились к берегу моря.

Немцы продолжали вести ожесточенный артиллерийский огонь.

Тяжело было уходить с земли, за которую восемь месяцев с таким мужеством дрались славные севастопольцы. Прижимаясь к земле, усталые батарейцы вышли к берегу. Голубое море лежало перед ними. Ослепительный блеск солнечных лучей резал глаза. Ни одного корабля на горизонте, ни одного корабля у берега. Вместо катера, который должен был их принять, на волнах качались обломки. То ли бомбой, то ли снарядом катер разбило.

Севастополь. У памятника потопленным кораблям.

Они пошли берегом в надежде найти что-нибудь: брошенную шлюпку, бревна. Под скалой, в полумиле от того места, где они первый раз вышли к берегу, артиллеристы обнаружили несколько разбитых грузовых автомобилей. Из кузовов этих грузовиков артиллеристы решили сколотить плот и отправиться на нем к южному берегу Крыма, в тыл к немцам, и там, соединившись с партизанами, биться до последнего.

Плот получился на славу. Для большей пловучести к нему привязали автобаллоны, снятые с машин. Их крепко-накрепко прикрутили по концам плота. Затем из досок сделали вёсла. Отчалили и поплыли.

Впереди, в морской дали, виднелся мыс Фиолент, за ним, почти сливаясь с горизонтом, еле заметно выделялись берега южного Крыма. Путь лежал мимо мыса Фиолент, занятого немцами. Берег этот сильно укреплен, и пройти незамеченными было невозможно. Но моряки решились.

Медленно двигался плот. Словно упругая тетива, гнулись весла. Далекий путь, если его совершать на таком „корабле“. Через час немцы обнаружили плот и открыли огонь. Стало ясно, что эта „музыка“ будет сопровождать их все время, если только вообще они сумеют пройти намеченный путь. Угодит снаряд в плот, и от него ничего не останется. А стало быть, ничего не останется и от них.

Моряки поняли, что наступил час смерти. Они обнялись, поцеловались и запели свою любимую песню, которую моряки поют и тогда, когда им весело, и тогда, когда грустно: „Раскинулось море широко...“

Они пели с таким вдохновением, что забыли о грозящей опасности. Вдруг неподалеку от плота показался перископ подводной лодки. Артиллеристы сразу его заметили. Теперь уже не было сомнений. Участь их решена. За перископом показалась надстройка, а затем лодка почти совсем всплыла. Она приближалась к плоту. Артиллеристы обнялись и еще дружнее затянули: „Раскинулось море широко...“

Но моряки дешево не отдают свою жизнь. Все взяли в руки пистолеты и готовились застрелить первого, кто высунется из лодки.

Но вот открылся люк, и сразу оборвалась песня. Севастопольцы увидели своих, советских моряков. От радости все, кто был на плоту, троекратно крикнули „ура“.

Лодка быстро подошла к плоту и по одному приняла всех на борт. Затем быстро скрылась под водой. И лишь одинокий пустой плот остался на поверхности моря. Немцы долго вели по нему яростный огонь, пока не разбили его в щепы.

ЛИДЕР „ТАШКЕНТ“ И ЕГО КОМАНДИР

Из всех кораблей Черноморского флота самым популярным во время обороны Севастополя был лидер „Ташкент“. Имя этого корабля севастопольцы произносили с большим восхищением. „Ташкент“ очень много сделал для Севастополя. В ночной тьме он подходил к вражеским берегам и огнем своих орудий громил немецкие батареи и аэродромы; доставлял подкрепления, снаряды и продовольствие для осажденного города, вывозил из горящего Севастополя раненых, женщин, детей и стариков.

Покидая корабль, эвакуированные „Ташкентом“ из Севастополя оставляли записки, в которых благодарили командира и его экипаж. На „Ташкенте“ бережно хранят эти листочки. Они написаны торопливым почерком, но в них столько теплоты, столько чувств!

Придет время, и на величественном памятнике, который будет сооружен в честь героической обороны Севастополя, чеканным золотом засверкает имя „Ташкента“ и его командира, капитана 2-го ранга Василия Николаевича Ерошенко.

Василию Ерошенко 35 лет. Он родился в казачьей семье на Кубани. Он и сейчас сохранил лихие привычки казака. Корабль, которым командовал Ерошенко, самый быстроходный в своем классе. И Ерошенко, используя преимущества своего корабля, творил на нем чудеса. До последних дней обороны Севастополя „Ташкент“ поддерживал связь с осажденным городом, крейсировав между Севастополем и Новороссийском. „Ташкент“ приходил в Севастополь в полночь. За один час выгружал боезапас, подкрепления, принимал раненых, женщин, детей и утром появлялся в Новороссийске. К полудню он снова выходил в море и в полночь бросал якорь в Севастопольской бухте.

В Севастополе говорили: „Ерошенко пришел“.

Когда он появлялся в Новороссийске, командир базы изумленно разводил руками: „Ерошенко, ты уже прибыл? Мне только что принесли радиограмму, и ты—в дверь“.

Покидая „Ташкент“, женщины обычно целовали долгим материнским поцелуем краснофлотцев и со слезами благодарности на глазах сходили на берег. И как им было не благодарить? Их вы-

рвали из пасти смерти, за ними ухаживали весь путь. На военном корабле нет мест для пассажиров, и все моряки от командира до матросов уступали свои места пассажирам, словно везли они собственных детей, жен, матерей. А когда приходили на Большую землю, моряки не давали женщинам и старикам нести вещи; осторожно поддерживая женщин на качающемся трапе, они провожали их на берег. Затем перетаскивали детей, неохотно расстававшихся с кораблем и „дядями-матросами“, сгружали на берег корзины, чемоданы и даже детские игрушки.

Вот об этом рассказано на листочках, которые так бережно хранит командир „Ташкента“.

Есть и другие реликвии на корабле: это документы, говорящие о славе корабля и его командира. Среди них благодарность от командующего Черноморским флотом вице-адмирала Октябрьского, от генерала Петрова, от командиров подразделений за отличную стрельбу, за поддержку огнем артиллерии корабля защитников Севастополя. Один из документов начинается словами: „Ташкент“ в обороне Севастополя будет записан золотыми буквами...“ Это от Ф. Октябрьского.

Генерал Петров, после того, как корабль с третьего залпа накрыл аэродром противника, а в другой раз со второго залпа разбил автоколонну, подвозившую немцам подкрепление, приказал своим артиллеристам: „Стрелять, как „ташкентцы“!

У Ерошенко свой стиль, своя манера подходить к порту; он осаживает корабль, как лихого коня, держа его все время в напряжении, и оставливает у стенки сразу.

На корабле Василия Николаевича Ерошенко зовут „Батей“. В это слово вложены вся любовь, уважение и восхищение, которые неизменно вызывает у всех этот смелый и лихой командир.

Любовь и уважение к себе Ерошенко завоевал необычайным мужеством. Осенью 1941 года „Ташкент“ подошел к одесскому берегу и начал обстрел скоплений румынских войск. На корабль налетела стая немецких бомбардировщиков. Нужно было мгновенно принять решение о маневре. Момент был ответственный, решающий. Ерошенко молниеносно повернул вправо. Бомбы упали в стороне, там, где секунду назад находился корабль. Все же одна из них легла в пяти метрах от орудийной установки. Раздался взрыв большой силы. „Ташкент“ получил пробоину. Корма осела. Возник пожар. Вышла из строя рулевая машина. Главный механик доложил, что машина работает только вперед. Рулевые немедленно ввели рули в действие, и корабль пошел. При входе в Одесский порт Ерошенко предложили буксир, но командир отказался. Своим ходом корабль подошел к стенке. Водолазы и эксперты, осмотрев пробоину, заявили, что в главную базу идти нельзя. Но и стоять в Одессе под обстрелом тоже нельзя. Тогда Ерошенко сказал, что он дойдет своим ходом. Эксперты категорически запротестовали. На корабль прибыл представитель командования. Он отозвал Ерошенко в сторону и, оставшись с ним с глазу на глаз, спросил:

— Вы уверены, что дойдете?

— Дойду,—сказал Ерошенко.—Винтов не будет,—пошутил он,—весла в иллюминаторы, но дойду.

— Идите.

Корабль облегчили. Буксиры вывели его из порта, и он пошел. В море на израненный корабль налетали вражеские самолеты. Он открыл мощный заградительный огонь и, взяв мористее, ушел.

В Севастополе поставили „Ташкент“ в док. Потянулись длинные и унылые дни ремонта. Моряки не любят это время. Ерошенко ходил сам не свой. Однажды, он зашел в каюту старшего помощника капитан-лейтенанта Ивана Ивановича Орловского. Тяжело опустился в кресло и, закури́в папиросу, сказал с тоской:

— Что делать, старпом? Скажи. Два месяца стоять невозможно! Война идет! Это не по мне! Надо проситься в дело.

Старпом молчал. Он знал, что если Ерошенко что задумал, то сделает обязательно. Ему не хотелось расставаться с ним. И, когда командир встал и направился к выходу, старпом взял его за рукав и сказал:

— Товарищ командир, возьмите меня с собой. Я не могу без вас.

Ерошенко помедлил с ответом, потом сказал:

— Нет, старпом, оставайся. Береги корабль. Торопи с ремонтом. А я вернусь—снова вместе будем.

Он ушел.

В это время ранило командира одного корабля. Намечалась операция. Ерошенко предложили заменить раненого командира. Он согласился и вскоре ушел в море. Через несколько дней ташкентцы узнали, что этот корабль погиб. Загоревал весь личный состав „Ташкента“. Сумрачные ходили командиры боевых частей. Опустили

головы матросы. Собираясь на полубаке и на юте, они говорили: „Погиб наш Батя“.

Вскоре стало известно, что „Батя“ спасен и доставлен в Севастополь, но в тяжелом состоянии. На другой день старпом пошел в госпиталь и разыскал Ерошенко. „Батя“ лежал бледный, с едва уловимым пульсом, и с трудом открывал веки. Но, увидев старпома, Ерошенко обрадовался. Сделав усилие над собой, он заговорил и рассказал, как было дело. Ерошенко говорил кратко, без подробностей. Лишь спустя некоторое время удалось восстановить картину.

У Тендровской косы на корабль налетело несколько эшелонов самолетов. Первая бомба попала в правый борт. Вторая—по носу. Она разбила мостик и оторвала трап. Ерошенко был ранен в грудь. Бледный, но еще твердо держась на ногах, он подошел к краю мостика. Трапа нет. Увидев истекающего кровью командира, матросы кинулись к нему, чтобы снять его. На корабле вышло из строя рулевое управление. Ерошенко попытался сделать маневр, но вскоре понял, что гибель корабля неизбежна, и подал команду: „В берег!“ и краснофлотцам: „В воду! Плыть к берегу“. Эшелон за эшелоном налетали самолеты. В корабль угодила еще одна бомба. Воздушные бандиты, снизившись, обстреливали корабль из пулеметов. Выполняя приказ командира, матросы покинули корабль. Последних, в том числе и Ерошенко, снял подошедший буксир. Подобрал людей из воды, буксир направился было по курсу, но в это время бомба угодила и в него. Буксир перевернулся, и все снова очутились в воде. Ерошенко был ранен еще раз. Он, собрав силы, сбросил с себя все, оставил лишь партбилет и

пистолет „ТТ“. Прижимая партбилет к ручке „ТТ“ и высунув его из воды, поплыл. Раненого Ерошенко подобрал торпедный катер и доставил на берег. Здесь была сделана операция. Врачи вначале колебались, считая операцию бесполезной. Но Ерошенко выжил. Вся палата госпиталя, где он лежал, была уставлена цветами. Цветы приносили командиры и краснофлотцы. Великая сила любви к командиру возвращала его к жизни. Он поправился. Но в это время создалась напряженная обстановка на Перекопе. Немцы прорвали оборону у Перекопа и хлынули в Крым. Бои шли уже под Симферополем. Госпиталь решено было эвакуировать.

К Ерошенко пришел начальник госпиталя и объявил:

— Мы вас увозим в Ялту, а оттуда на Кавказ.

На бледных щеках Ерошенко вспыхнул румянец.

— Что-о?—воскликнул он.—Корабль мой здесь?

— Здесь,—отвечал начальник.

— Можете эвакуировать госпиталь, куда хотите, а меня—на корабль. Буду лежать на своей койке. Никуда, кроме корабля, не пойду.

— Есть приказание Военного Совета,—сказал начальник.

Доложили командующему. Командующий разрешил оставить Ерошенко. Госпиталь был эвакуирован. Ерошенко остался один в огромном помещении. Он пролежал несколько дней. Затем его направили на десять дней в санаторий, в Ялту. К тому времени закончили ремонт корабля. Ерошенко прибыл из Ялты на машине прямо к кораблю, стоявшему у стенки. Приняв на ходу рапорт, командир прошел прямо на мостик. И через минуту в машине и на палубе—всюду, даже

там, где не было слышно его голоса (хотя люди утверждали, что слышали), снова раздалась знакомая четкая команда.

„Ташкент“ вышел в море. Через несколько дней он был снова в Севастополе. В главной базе он простоял целый месяц, неустанно ведя огонь по врагу. С этих пор „Ташкент“ кровно связал свое имя с героической обороной осажденного города. Из 250 дней и ночей обороны Севастополя добрую сотню ночного времени командир и весь личный состав „Ташкента“ провели без сна в суровой боевой обстановке. Они отражали атаки торпедоносцев и бомбардировщиков. Они грузили и выгружали сотни тонн снарядов, мин и бомб. Ящики весом в 85 килограммов люди носили, как пуховые подушки. Таково было воодушевление всего личного состава. „Ташкентцы“ знали, для кого они это делают.

250 дней суровой боевой жизни спаяли этих людей в единый коллектив. Если раньше для авральных работ игрался большой сбор, то в дни Севастопольской обороны все дружно выходило на работу, не дожидаясь приказа. Работали так, что в дни феодосийской операции, когда корабль покрывался ледяным панцирем, а тяжелые манильские тросы превращались в ледяные бревна, люди сбрасывали с себя бушлаты: жарко кипела работа.

Когда кораблю было особенно тяжело, все смотрели на мостик: „А как там командир? Чует ли он своих бойцов?“

Чуял, чуял командир всех. И работа кипела еще сильнее, и обледенелые тросы не казались такими тяжелыми и холодными. И на скользкой палубе, если падали люди со снарядами в руках,

то снаряд всегда оставался навесу. И пушки стреляли, не снижая скорострельности.

В последние дни обороны Севастополя „Ташкенту“ приходилось иногда за сутки делать два рейса. Это было тяжело. Но никто не жаловался на усталость—для Севастополя находились силы.

На каждом корабле во время боя бывают минуты высочайшего напряжения. От них зависит жизнь. Успешно сманеврировать во время комбинированной атаки бомбардировщиков и торпедоносцев—высокое тактическое искусство. Не всякому оно дано. Тот выигрывает бой, кто умеет взять инициативу в свои руки. Это умеет делать Ерошенко. За это и любят его командиры и краснофлотцы. И еще любят за то, что во время боя он весь кипит, а делает все спокойно и четко. Нередко, хотя самолеты еще не ушли с горизонта, Ерошенко уже знает, что кораблю не угрожает опасность. И тогда раздается его знакомый голос:

— Личному составу разрешаю закурить. Пушкам остынуть.

И как люди ценят это! Как они потом работают! Когда кончится бой и можно собратсья на юте у фитилька, они говорят:

— Да-а, если бы не наш Батя, может, и не удалось бы посидеть на ветерочке.

ГАРНИЗОН БЕССМЕРТНЫХ

Когда на кавказском берегу я смотрел на человека, наслаждавшегося вишнями, я вдруг услышал пение птиц. Это после Севастополя было так неожиданно, что я невольно перенесся опять к рыжим, выжженным июньским солнцем, холмам.

И неожиданно для себя, вспоминая о чудовишной канонаде, я припомнил, как во время пребывания в Севастополе, на заре я услышал предрассветный крик петухов. Это было в Карантинной слободке, на окраине Севастополя.

Над городом неслись тучи дыма — там рвались термитные снаряды.

Снаряды, разрушенная слободка и петухи. Петух на фронте! Это, конечно, тема для рассказа. Но тогда мы не думали о рассказах. Петушиный крик утверждал жизнь. Петух пел песню, которая в те часы казалась нам лучше соловьиной. Каждый из нас тогда подумал: „Севастополя нет. Севастополь разрушен. Но Севастополь будет жить!“

Восемь месяцев севастопольской обороны войдут в историю, как чудо военного искусства, а гарнизон Севастополя войдет в историю, как гарнизон бессмертных. Пусть город разрушен, но идею его защитников нельзя разрушить, их идея — жизнь. Во имя этой идеи каждый день в Севастополе вершились такие дела, такие подвиги, каких еще не знала история. Ни Бородино, ни Верден, ни Мадрид не видели и не знали того, что творилось в Севастополе. Гарнизон Севастополя вынужден был оставить город.

Но мы придем еще на эту выжженную знойным солнцем юга землю, и я надеюсь потом рассказать о том, что нам пока еще неизвестно.

ПАРЕНЬ ИЗ СЕВАСТОПОЛЯ

По улицам Симферополя в мае 1942 года гнали пленных. Русских. Гнали их по Севастопольской улице к вокзалу, в картофельный городок, где у немцев был концлагерь. На улицу высыпали женщины и дети. Они с ужасом смотрели на страдальцев; все пленные были в рубищах, с трудом передвигали ноги, обмотанные тряпками. И только пятеро моряков, находившихся в этой колонне, шли бодро. Моряки были в одних тельняшках. Черные брюки разорваны. На ногах тряпки. Через тельняшки во многих местах просвечивало давно не мытое тело.

Весна в тот год была холодная. Но моряки шли так, как будто на дворе было совсем тепло. Конвоиры подгоняли пленных. Им скорее хотелось прогнать их через город. Со всех сторон по адресу пленных раздавались сочувственные возгласы. А некоторые из женщин пристроились к колонне и поплелись следом.

Когда пленные подходили к вокзалу, за ними шла уже большая толпа женщин и ребятишек. Женщины протягивали хлеб, вглядывались в измученные лица, спрашивали, нет ли среди них такого-то, не слышали ли про такого-то, охали, вздыхали, вытирали набегавшие слезы. Около вокзала в скверике пленных остановили. Оказалось, что лагерь переполнен. Женщины сначала стояли в стороне, у изгороди, а потом осмелели и подошли ближе к пленникам. Одни из них лежали, другие стояли, опершись руками и грудью об изгородь, и тоскливым взглядом глядели на толпу. Четверо моряков тоже стояли у изгороди, а пятый, самый рослый из всей пятерки, парень

лет двадцати четырех, широкогрудый, чубатый брюнет, с большими, видимо, раньше озорными, а сейчас печальными глазами лежал на траве и задумчиво глядел в синее крымское небо.

Случилось так, что в это время мимо садика проходили слепцы, вечные странники, вызывающие всегда у народа к себе благородную жалость и сострадание не столько своим убогим видом, сколько дивным пением. Они почуяли большой шум и по привычке странников остановились и запели.

Услыша пение, моряк, лежавший на траве, вскочил, хотя руки его и были закручены назад и связаны. Слепцы пели превосходно, вкладывая всю свою душу в песню. А когда они узнали, перед кем остановились, то вторую песню запели еще с большим чувством. Когда слепцы смолкли, к ним со всех сторон потянулись руки с деньгами. Подошел и дюжий моряк с завязанными назад руками. Как у него очутились в руках деньги — сторублевая бумажка, — неизвестно. Но, подойдя к слепцам, он повернулся к ним спиной и сказал:

— Вот вам сто рублей. Спойте нашу любимую морскую: „Раскинулось море широко...“

Слепцы запели, и так запели, что великан-моряк, некоторые пленные и столпившиеся вокруг женщины заплакали.

Видно, сильно тосковал по морю черноморец, что, не стесняясь перед людьми, ронял слезы. Видно, тяжело ему было без родной стихии, без корабельных друзей-товарищей. А слепцы пели так, что никакая душа, даже самая крепкая в мире — морская, не могла оставаться спокойной.

Смолкли странники. Моряк поднял голову, орлом посмотрел вокруг и весело сказал:

— А ну, странники, хоть денег у меня больше и нет, спойте еще разок!

Странники как будто еще больше воодушевились и запели лучше прежнего. Моряк уже не плакал, а восторженно и жадно слушал певцов, но тут подошел конвоир, оборвал песню и прикладом начал отгонять странников.

— Не смей трогать их, собака!—закричал матрос и стал между конвоиром и слепцами. Конвоир ударил матроса прикладом, матрос дернул плечами, но руки его были накрепко стянуты веревкой. Он закусил с досады губы и отошел, оскорбленный, но гордый, к изгороди, куда сразу же хлынула толпа женщин. Они плакали.

— Не плачьте,—успокаивал их матрос,—придет время—за нас отомстят. Освободят и вас из неволи...

Он не договорил. К нему подошел конвоир. Матрос смерил его взглядом и затем, изловчившись, ударил головой в грудь. Тот полетел кубарем, а винтовка его отлетела в сторону. Конвоир встал, подобрал винтовку и не спеша подошел к матросу, который знал, что его ожидает, тем не менее стоял ровно и спокойно.

Конвоир делал свое дело с привычным наслаждением опытного садиста: он медленно, но с расчетом опускал приклад своей винтовки то на плечи, то на голову матроса. Матрос потерял сознание и упал.

Женщины закричали: „Воды, воды!“ Матроса умыли, дали ему пить и свернули папироску. Он встал и, пошатываясь, подошел к изгороди. Кто-то из пленников попросил хлеба. Десятки женских рук потянулись к изгороди. Матрос смерил взглядом друзей и строго сказал:

— Что, вы не наелись, что ли? Им самим нечего есть. Немцы-паразиты держат их в неволе, морят голодом, а вы...

Тут раздалась команда, и пленники устало поднялись с травы, нехотя построились. Вскоре колонна ушла. И только пыль, поднятая ею, висела над дорогой. Женщины долго не расходились. Смелый и непокорный нрав черноморца тронул их сердца.

Куда ушла колонна, что с ней стало, кто был этот моряк,—никто не знает. Но кто бы ты ни был, неизвестный моряк, слава о тебе пройдет от моря до моря. И каждая мать моряка, сын которой отдал жизнь за Родину безвестно, будет считать тебя своим сыном, сестра—братом, дедушка—внуком, Родина—героем. И там, где запоют „Раскинулось море широко...“, всегда вспомнят о тебе и о твоих безвестных героях-товарищах.

НАТАША

В Севастополе, как и в других местах, куда проникали их танк и штык, немцы все подчиняли себе, всем владели. Они распоряжались железной дорогой, бухтами, складами, домами, животными и частным имуществом, как своим добром. Они заставляли русских людей работать на себя. Но никогда немцы не могли подчинить себе русскую душу. Никогда они не владели ею.

В севастопольском лагере военнопленных работала шофером русская девушка Наташа. Она попала в плен в июле 1942 года. Это была крепкая и веселая девушка. Немцы никогда не видели ее

унывающей. Первое время она ездила с часовым, а потом начальство концлагеря решило выпускать ее машину без охраны. Только тогда, когда Наташа возила пленных за город на работы, в кулов сажали часовых.

Каждый день Наташа выезжала из гаража с песней и возвращалась с ней же. Немцы хвалили ее и считали, что Наташа—воплощение истинно русской души. И Наташа не пыталась разочаровывать немцев: она все время была весела. Она страдала лишь от тяжелых, осуждающих взглядов военнопленных. Изнуренные, серые, они с ненавистью смотрели на нее и, не стесняясь, в глаза называли „предательницей“, „продажной шкурой“, „шоколадницей“. Но были и среди пленных такие люди, которые украдкой отвечали на ее улыбку и одобрительно кивали головой. И все же Наташе было очень тяжело. По ночам она беспрерывно плакала. Утром она опять улыбалась. Опять пела песни. И начальство лагеря окончательно убеждалось в том, что душа русского человека не только проста, но и нетребовательна.

Русская душа! Ее пытались постичь монгольские воинственные орды Батые и Мамае, шведы, император Наполеон и его гренадеры. Французы до сих пор передают из уст в уста рассказы о русской душе Кутузова и его солдат, занесенные 130 лет тому назад в Париж обмороженными гренадерами.

Русская душа! Уж кто-кто, а немцы ее знают. ...В то утро Наташа встала раньше обычного. Вернее, она даже не спала. Лицо ее осунулось. И те пленные, кто ничего не знал о ней, объяснили себе ее бледность тем, что она, очевидно, развлекала их мучителей. Наташа во-время

подала машину к лагерю. В кузов село девятнадцать пленников—моряков и красноармейцев—и два немца-конвоира. Пленников везли на работу в Балаклаву. Но у Сапун-горы Наташа свернула на ялтинскую дорогу. Спустившись в долину, Наташа по стуку в крышу кабины остановила машину. В кузове слышались возня и сдавленный крик. Потом все стихло, и по крыше снова постучали. Наташа выжала конус сцепления, перевела рычаг скоростей, и машина плавно тронулась. Сердце Наташи колотилось так сильно, что ей трудно было дышать. И несмотря на то, что мотор ревел, потому что она до отказа нажимала на акселератор, Наташа слышала стук собственного сердца. По телу пробежал озноб. Щеки покрылись бледностью. С каждой минутой она чувствовала, как слабели ее руки. Она боялась выпустить баранку руля. Дорога была чиста: ни впереди, ни сзади не мелькала ни одна машина. Приближалось селение Байдары. Пройдет ли она через заставу? Наташа часто ездила через Байдары. Ее знали на заставе. И обычно она с песней подкатывала и проезжала, замедлив ход, а теперь? У нее было припасено несколько пропусков, и она передала их Алексею—мичману с тральщика, которого немцы схватили 4 июля 1942 года в бессознательном состоянии в Карантинной бухте. Сделал ли мичман все, что нужно? Успел ли он узнать пропуск? Это мучило Наташу.

Показалась околица Байдар. Наташу охватила тревога, и она решила полным ходом проскочить заставу. Будь, что будет! Но в это время она услышала голос мичмана. Перегнувшись через борт машины, длинный мичман, переодетый в форму немецкого конвоира, просунул голову в окошко

кабины и крикнул ей: „У заставы малым ходом!“

Наташа кивнула головой. И сразу почувствовала облегчение. Руки опять налились силой. Нога твердо легла на акселератор. Пропуск оказался правильным, и Наташа, напевая песенку, быстро оторвалась от заставы. Пропустила и заставка у Байдарских ворот. Но на спуске неожиданно навстречу показалась полицейская машина. Полицейские внимательно разглядывали наташин грузовик. Вдруг один из них крикнул:

—Хальт!

Наташа не слышала этого крика. Но по лицу мичмана, появившемуся в окне кабины, раньше, чем он успел сказать хоть слово, поняла, что нужно спешить. Несколько пуль просвистело над кабиной. Одна из них впилась в дермантиновый верх и рассекла его, точно палашом. Наташа думала: нужно было проехать хотя бы десяток километров, чтобы перед Симеизом уйти в лес. Эти десять километров Наташа ехала так, как никогда ей не приходилось ездить. Временами правые задние скаты прокручивались почти над обрывом. Временами ей казалось, что ни она, ни машина не выдержат, и все кончится под обрывом. Но за ее спиной было девятнадцать товарищей. Вместе с ними она сражалась под Севастополем. Вместе с ними она целый год стерегла этот счастливый случай. И вот теперь, когда этот момент настал и до исполнения желания оставалось лишь несколько минут, все могло провалиться. Через несколько минут она должна будет остановить грузовик, и мичман привяжет к блоку пакет тола, а остальные поднимутся в лес. Это должно произойти там, где над дорогой стоят, склонившись вершинами друг к другу, три ливанских кедра.

„Три ливанских кедра. Три ливанских кедра. Перед ними поворот“, — повторяла она слова мичмана.

Она хорошо помнит эти три кедра. До войны она отдыхала в Симеизе. Ей показалось, что это было давным-давно и прекрасно, как в сказке. Однажды с компанией она отправилась на экскурсию к Байдарским воротам. В ресторане „Байдары“ Наташа выпила немного, слегка опьянела, и всю дорогу домой она дурачилась. У скалы, где росли три ливанских кедра, кому-то захотелось взобраться наверх и отдохнуть в тени деревьев. Наташа швырнула туда свою туфлю. Но никто не двинулся с места, чтобы достать ее. Тогда Наташа попыталась вскарабкаться сама. Она чуть-чуть не упала, если бы ее не поддержал Вася, матрос с поста СНИС. Поддержал, а потом потребовал в уплату поцелуй.

Наташа закрыла на минуту глаза. Ей было страшно: казалось, что если она будет вспоминать дальше, то не выдержит, и все, кто сидит за ее спиной, там, в кузове, погибнут вместе с ней. Впереди лежало бирюзовое море, а над обрывом зеленым пламенем горели свечи кипарисов, и среди них блестели крыши санаториев. „Никогда Вася больше не увидит этого,“ — вздохнула Наташа и подумала: хорошо бы очутиться сейчас в Москве и там под Истрой разыскать могилку Васи... И вдруг она ощутила прилив сил и бодрость во всем теле. В сознании ее мгновенно пронеслись, как в кинематографе, несколько лет: жизнь с Васей, мечта о ребенке, уход Васи на защиту Одессы, потом под Москву, гибель Васи. Потом ее уход под Севастополь. Потом...

В крышу кабины постучали. Но она и сама увидела три ливанских кедра. Они стояли, как братья, обнявшись верхними сучьями. Наташа трихнула головой, чтобы освободиться от воспоминаний, которые, как сладкий сон, туманили ее сознание. Все свое внимание она сосредоточила теперь на дороге. Она не видела ни моря, ни кипарисов — ничего, что растравляло ее сознание. Она видела перед собой через триплекс лишь извивы дороги, дорожные указатели. Пройден поворот. Здесь должна быть остановка. Мичман постучал в крышу. Наташа хотела остановить машину, но мичман сказал, чтобы она ее поставила поперек дороги. Она так и сделала. Все, кто был в кузове, прошли через крышу кабины и с радиатора прыгали на скалу. Наташа сидела в кабине.

— Выходи! — сухо сказал мичман.

Наташа проверила тормоз и рычаг коробки скоростей. Делала она это машинально: все равно машина будет взорвана.

Мичман открыл капот и, ворча на перегревшийся мотор, начал прилаживать пакет тола. Заметив, что Наташа все еще стоит, он крикнул ей:

— Уходи! Чего стоишь?

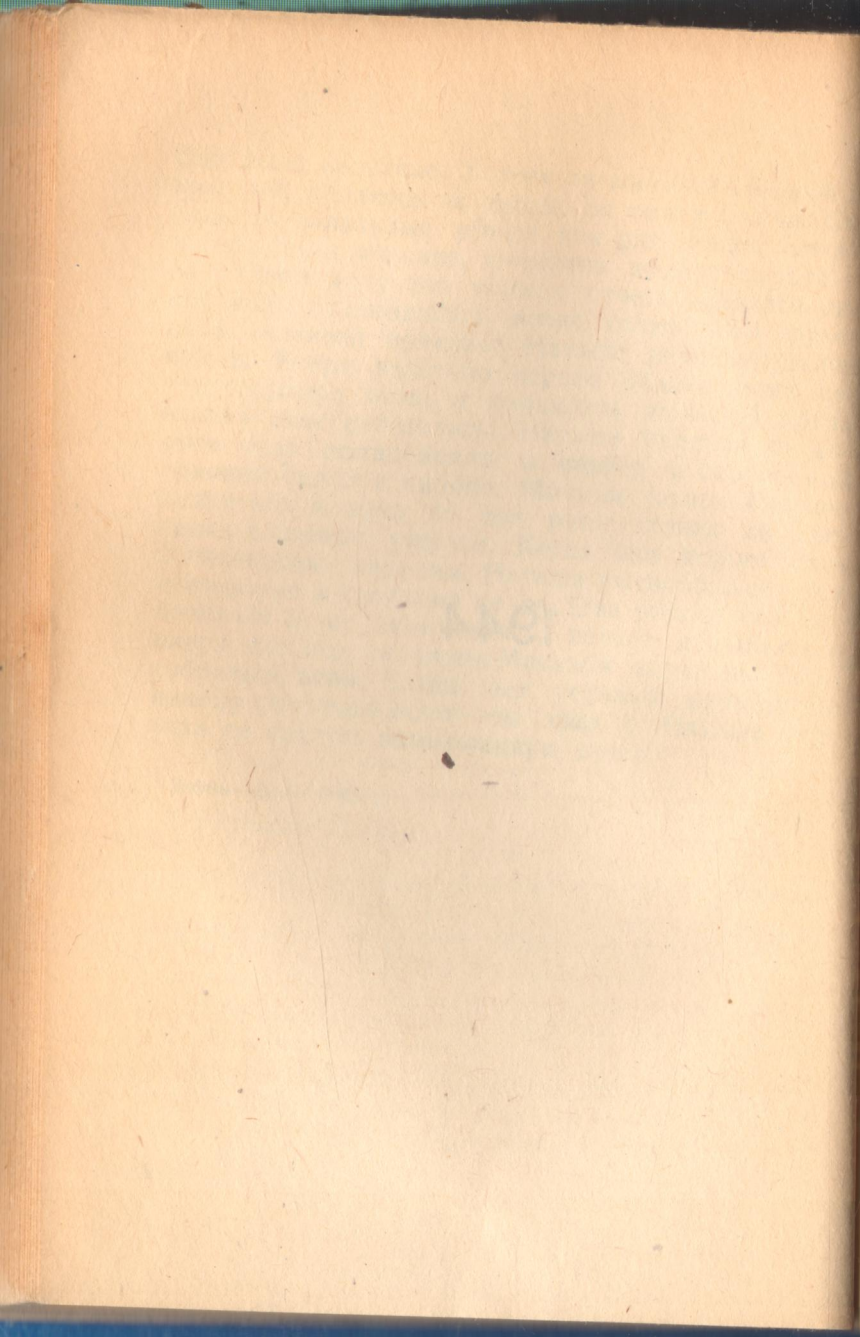
Наташа лениво полезла вверх, цепляясь за длинные ветки орешника. Взобравшись на травянистый склон, она обернулась и с тоской посмотрела на машину. Мичман жестом приказал ей остановиться и бросил ей, как волгари бросают лёгость с причальными концами, концы запалов. Наташа поймала их и придавила ногами. Мичман быстро полез по обрыву. Он спешил. И Наташу вдруг охватила тревога за него. На дороге слышалось жужжание мотора полицейской машины.

Она была недалеко. Успеет ли мичман? Потный и красный, цепляясь за кусты, он почти бежал. Он схватил запальные концы как раз тогда, когда полицейская машина, выскочив из-за поворота и на полном ходу дав тормоз, отчего раздался дикий визг, остановилась возле наташиного грузовика. Алексей приказал Наташе лечь. Раздался взрыв. Вверх взлетело черное облако дыма, затем сверкнул огонь и поднялась пыль. И когда пыль и дым рассеялись, Наташа увидела на дороге тела полицейских, а шофер с оторванной головой сидел в кабине. Мичман помог Наташе подняться и, взяв ее под руку, повел по тропинке в горные ущелья. Когда они поровнялись с ливанскими кедрами, Наташа высвободила руку и подошла к среднему кедру. Она обняла его, поцеловала и, не оглядываясь, начала подниматься вверх, где под склонами Маккаби назначено было собраться всем. Сзади шел усталый мичман. Он ничему не удивлялся—он знал о Наташе все, знал ее чистую возвышенную душу.

Июнь—июль 1942 г.

Севастополь—Москва.

1944

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Десятого апреля через Керчь и Ишунь наши войска ворвались в Крым. Защищенные гнилыми водами Сиваша и бурным Керченским проливом, немцы были уверены, что они удержат Крым. Они называли свои „неприступные“ укрепления в Крыму „Черноморским валом“. Укрепления действительно были насыщены множеством различных мощных огневых точек.

Бои за эти ключевые позиции немцев носили ожесточенный характер. Небу было жарко от снарядов и бомб. Исколотое остриями прожекторных лучей, оно стонало от рева моторов. Звезды мерцали от белого света „саб“ и оранжевых вспышек артиллерийских залпов. Земля дрожала. Но напор наш был настолько силен и стремителен, что десятого апреля уже ничто: никакая сила, никакие укрепления не в состоянии были сдержать его.

Немцы бежали к морю. За ними тянулся кровавый след. От зари до зари, упираясь буфер в буфер, извиваясь, точно раненая змея, тянулась немецкая автоколонна от равнин Крыма до Севастопольской крепости.

Огнем и сталью танков, длинной рукой авиации и артиллерии могучая русская рать давила, прижимала к земле, рубила, секла гитлеровских „гре-

надеров", искавших спасения за стенами Севастопольской крепости. Но Севастополь—крепость русская. Испокон веков она служила только нашей славе.

15 апреля наши войска загнали немцев за первый обвод оборонительных линий. Немцы остановились. За спиной у них оставались еще два кольца железобетонных оборонительных сооружений. В течение двух с лишним лет они окружали этими кольцами Севастополь, превратив его в каторгу для русских людей, согнанных сюда на земляные и бетонные работы с Мелитопольщины, из Кубани и Крыма.

Укрывшись за крепостными валами, куда заранее были стянуты со всего Крыма несколько тысяч пушек и миллионы снарядов и патронов, немцы хвастливо заявили: „Русские держали Севастополь восемь месяцев. Мы будем держать его восемь лет“. Это заявление, в сравнении с которым бредни барона Мюнхгаузена кажутся откровенным рассказом скромного юноши, было скреплено еще и истерическим приказом Адольфа Гитлера. Он приказал своим войскам: „Стоять на смерть“. Он направил в Севастополь на транспортных самолетах несколько пудов железных крестов...

Но меч нашего возмездия уже навис над врагом, укрывшимся в Севастополе. В конце апреля наши войска подошли на расстояние пистолетного выстрела к основным узлам немецкой обороны: к балаклавским высотам, Сапун-горе, Мекензиевым горам и со стороны Бельбека—к высоте 192.

Этот момент застиг меня в Бахчисарае, куда я пробрался не без труда, так как дорога, над которой висели кучи пыли, была вся забита

машинами, пушками, танками и войсками. Мы долго будем помнить и эту пыль и эту дорогу. Пыль покрывала все: людей, машины, деревья, траву. Но на нее никто не ворчал.

И этот железный поток „техники“ и людские вереницы—все с шумом двигалось к Севастополю, заглушая лихие мелодии запоздалой крымской весны. А весна действительно запаздывала: дуб стоял еще голый, он только-только обронил старый лист. Но миндаль уже покрылся розовой пеной цветов, и зелень озими прижималась к земле, уступая дорогу ветру.

Это были дни незабываемые, полные величия и поэзии.

Я не оговорился: да, и в войне есть поэзия. Кто бывал на биваках с солдатами, когда после холодной и бессонной ночи из-за гор вдруг брызнут лучи солнца и в лохматых кустах запоет соловей, а в котелке подгорает каша, тот поймет, что я хочу сказать. Да и не любо ли смотреть, как с особым шиком и грацией проезжают донские или кубанские казаки, три года не покидавшие седел? Красные башлыки за плечами, чеканящая шашка на боку, ордена и золотые нашивки на груди, чубы, усы, звонкая песня! А кто видел стремительно мчащиеся тяжелые танки, под гусеницами которых стволы пушек хрустят, как сухки на зубах?! Прносящиеся над головой с быстротой мысли самолеты?! Идущую в атаку морскую пехоту, когда под ногами земля дрожит?!

Так шли в те дни апреля 1944 года солдаты генералов Толбухина и Еременко к Севастополю. Я встречался с ними у Карасубазара, Симферополя, у Бахчисарая, у Бельбека, Качи и Байдар.

Я видел их и в бою, и на биваках, и в госпиталях. И все они говорили о Севастополе, как о своем родном городе. Это были преимущественно старые, не по возрасту, а по опыту, солдаты с медалями за Сталинград, с орденами за Таганрог, Краснодар, Новороссийск, Мелитополь и Керчь. Они говорили о войне с толком знающих это дело людей. О предстоящих боях рассуждали весело, с юмором и с большой уверенностью в победе. Они с уважением говорили о Сталинграде и Севастополе. В их движениях чувствовалась великая и грозная поступь России.

Я не знаю, можно ли было в другом месте встретить то, что пришлось увидеть в эти дни под Севастополем. Мне довелось быть свидетелем разгрома немцев под Москвой в декабре 1941 года, быть при защите Одессы, пережить самые критические дни обороны Севастополя в июне 1942 года, наблюдать полную романтических приключений борьбу морских пехотинцев с егерями Фон-Дитла в скалах Мусты-Тунтури, на севере. Вспоминаю и не могу сравнить ни с чем. Даже вторжение в Крым через пролив в районе Керчи в ноябре 1943 года, где мужество и мастерство были неотделимы, не вызвало такого ощущения. Я думаю,—это объясняется тем, что впереди был Севастополь. Город русской славы и не простой славы, а гордой славы. Город, сорвавший весеннее наступление немцев в 1942 году, город, родивший легендарных героев. В конце концов Новороссийск, Краснодар, Керчь, Перекоп, Сиваш были лишь ключами, а Севастополь—это замок Крыма. Овладеть Севастополем—значит кончить войну в Крыму и отбросить немцев сразу на сотни километров на запад. Эту мысль очень хорошо вы-

разил старый солдат на одном из биваков под Бахчисараем.

Разыскивая командный пункт, я потерял ориентировку и натолкнулся на группу солдат, расположившихся в степи у дороги. С гор наплывал холодок. В небе, разрубив его на части, металлись лучи прожекторов; гудели самолеты, висели „сабы“. Со стороны Севастополя слышались тяжелые взрывы и светилось зарево пожаров. Солдаты сидели у костра, над которым шипели котелки, и попивали „инзу“, закусывая ее копчушкой и свиной тушонкой. Кряхтели после того, как кружка становилась пустой, улыбались, обнажая белые зубы, ярко выделявшиеся на пыльных лицах, курили трофейные сигареты и крымский самосад. Я застал их в тот момент, когда чарка обходила второй круг и приглушенные голоса гудели: „Пускай дядя Вася скажет. Он герой у нас“.

Тот, кого называли „дядей Васей“, сидел у самого костра, по-турецки поджав под себя ноги. Он держал в руках чарку. Взгляд у него был озорной: чувствовалось, что речь у него уже была приготовлена.

— Ну, вот,—начал он,—дошли мы и до Башкисарая. А отсель и до Севастополя недалече. Всю Россию прошли, аж от самой моей Рязани. Сталинград брали? Брали! Таганрог брали? Брали! Кубань расчищали? Расчищали! Эх, да рази все вспомнишь! А теперь Севастополь. А дальше уж море будет. Пускай моряки его берегут, а мы поддадимся чуток назад и опять через эту перешейку пройдем на запад. На запад, братцы! Вы воображаете, что я говорю? В Берлин ихний

Степка да Петька войдут! Соображаете? Дескать: гутен-морген, фрицы, мы пришли! Ха-ха-ха!

Он залился веселым смехом. Затем покрутил ус, поцеловал краешек кружки и выпил. Он не закусил, а обошелся тем, что вытер пыльной столовой ладони губы, крякнул и, сделавшись опять серьезным, строго сказал:

— Завтра чуть свет дальше.

Я пробыл с ними до утра. Спать почти не пришлось. Ночь была холодна и светла, как день. Наши войска начали штурм Севастопольских укреплений. Земля дрожала. Небо кипело огнем.

ВСТРЕЧА

10 мая 1944 года! Этот день нельзя забыть до самой смерти. И я счастлив, что мне пришлось пережить его. Не так уже много в жизни человека бывает дней, которые нельзя забыть до самой смерти.

У меня есть все основания так говорить об этом дне. В июне 1942 года, за две недели до оставления нашими войсками Севастополя, я прибыл на его истерзанную землю. Я много видел и пережил тогда и покинул Севастополь в тот момент, когда завязались бои на Малаховом кургане. Сидя в „Дугласе“, который в ту памятную ночь последним покинул изрытый снарядами херсонесский аэродром, я дал слово в числе первых вернуться в Севастополь. „Дуглас“ летел в Краснодар. Под плоскостями его клубилось снежное поле облаков. Самолет плыл в них, как кит в бурном море, фыркая моторами. В „Дугласе“, кроме двух моих товарищей, все пассажиры—

раненные. Стоял тяжелый запах пота, крови и гниющих ран. Голова одного из раненых покоилась на моих коленях. Он бредил, кричал:

— Ни шагу назад! За нами Севастополь. Умрем все, как один, а немцев не пропустим!

Сейчас эти слова, возможно, звучат прозаически, а тогда они имели свой особый смысл и трогали всех нас до слез. Они будили в душе каждого, кто побывал в эти дни в Севастополе, чувства великие, торжественные и неповторимые. Эти чувства никогда не покидали меня, где бы я ни был. Даже под седыми скалами Муста-Тунтури, у залива Петсамо, где довелось побывать после Севастополя.

О Севастополе думалось и в ноябрьские дни 1943 года, когда с причалов Тамани я смотрел в бинокль на Керчь, и в апрельские дни 1944 года, когда старенький „газик“ мчал нас по крымским дорогам от разбитой Керчи до Бахчисарая. Тысячи людей стремились к нему. На переправе с Чушки в Еникале, когда узнали, что мы спешим в Севастополь, нас пропустили на паром без очереди и, что греха таить, снабдили из своих лимитов горючим, попросили поклониться Севастополю и передать, что и они, как только кончат переправлять войска, тоже придут туда...

Севастополь!

Какое нужно мужество, чтобы при встрече с ним не растеряться и быть достойным его великого имени.

С трудом лавируя среди повозок, орудий, „Виллис“ и огромных тупомордых „Студебекеров“, наша машина спешила в город по Ялтинскому шоссе. Пройдена последняя петля горной дороги. Створки гор закрыли море, мы приближаемся к

холмам Сапун-горы. Здесь сходится несколько дорог. Над ними висит пыль. А в ней, как отбойные молотки, стучат машины. Их тысячи, и все они спешат в Севастополь. Пыль тянется за ними, как дым пожара в степи.

Перед глазами мелькают застывшее в дикой судороге железо, залитые кровью камни, вылизанная огнем земля, трупы, опаленные кусты и изрытые снарядами и бомбами холмы. Мы начинаем подъем на высоты. Не надо понимать в саперном деле, не надо быть бомбером или артиллеристом, чтобы понять, что здесь было и какой силы железный смерч пронесся над этим, если говорить сухо, по-военному, — „рубежом“. Но это и не рубеж и не позиция, а современная крепость, ворота в которую открыл железный конь — могучий русский танк. Он первым ворвался на Сапун-гору и серый холм Сапуна, ошетирил свои пушки, которых было не меньше, чем игл на еже. Пушки перенесли ураган огня на „Мстителя“. А тем временем, давя своими гусеницами все, что попадалось на пути, на холмы полезли танки подполковника Тарасова, у которого на груди, кроме орденов, прикреплена медаль „За оборону Сталинграда“. Он знает, как нужно строить приступы к неприступным высотам.

Конечно, на самом деле все было не так просто и спокойно, как рассказывается теперь. Словами необразишь ни свиста бомб, ни сопения снарядов, ни хруста пушечных стволов, ни стонов и криков обезумевших немцев, ни веселого и грозного „ура“ русской пехоты, ринувшейся вслед за самолетами и танками на высоты Сапун-горы и гнавшей немцев до самых стен Севастополя. Но картину боя представить себе можно, изме-

рив „на глазок“ расстояние от воронки до воронки. Оно не больше метра—двух. Этим также легко объяснить, почему здесь сравнительно мало немецких трупов—их просто разнесло в куски. Трупов становилось все больше, чем ближе мы подъезжали к Севастополю. Они валялись на холмах, в куветах и прямо на дорогах.

У Малахова кургана—„пробка“. Здесь сходятся все дороги. Над головой со свистом проносятся снаряды. Выбитые из Севастополя немцы еще держатся у Херсонеса. Укрывшись за старинным Турецким валом они уцепились за бухты: Стрелецкую, Омега, Камышовую, Казачью, мыс Херсонес и Круглую бухту. Немцы стянули туда почти всю сохранившуюся артиллерию, колоссальные запасы снарядов и тысячи автомашин. Небо над Херсонесом в веснушках зенитных разрывов: там действуют наши штурмовики и бесстрашные „У-2“, которых почему-то прозвали „кукурузниками“, как будто и в самом деле самой идеальной площадкой для них является кукурузное поле.

Туда бьют и наши пушки.

На немецкие снаряды никто не обращает внимания, хотя обстрел ведется с хорошей пристрелкой. Немцы бьют по дорогам, по Петровой слободе, по вокзалу, Чапаевке и Зеленой горке. Иные снаряды шлепаются так близко, что делают „ветерок“! Но им никто не „кланяется“. А лучшие чувства и поклоны все берегут для Севастополя.

И, наконец, он открылся.

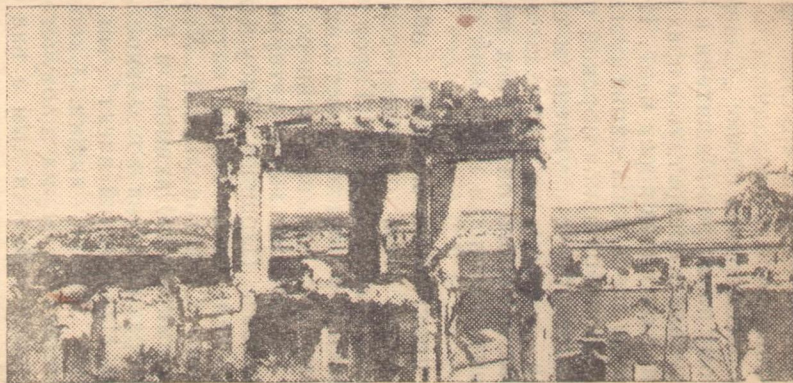
Чудо-город! Слэва России! Любовь моряков!

Над холмами его стелется черный дым, и сквозь него, как через разрывы облаков, сияет гладкое, как голубое небо, зеркало Южной бух-

ты. На машинах все встают и смотрят, не отрываясь. Каждому знакомо чувство, когда после долгой разлуки, возвращаясь домой и глядя из окна вагона на мелькающие знакомые полустанки и дачные площадки, вам кажется, что, войдя в родной дом, вы начнете сначала „душить“ близких в объятьях, а потом будете говорить и говорить без конца. И вдруг оказывается, что вы ничего не можете сказать, хотя минуту тому назад все это казалось вам очень простым делом.

Я машинально снял фуражку и долго молчаливо смотрел на город, на ужасный черный дым, который временами закрывал все. Кругом разносились шум и крики ездовых, шоферов и всадников. Сколько времени я мечтал об этой минуте, чтобы молча поздороваться с городом, судьба которого слишком близко вошла в мою жизнь. И вот эта минута настала. И я не мог ничего сказать, не мог улыбнуться и не мог уронить слезы. Я кивнул ему головой и вдруг сквозь пелену, которая почему-то обволокла мои глаза (позже я почувствовал, что это все же были слезы), я увидел его сначала веселым и нарядным, каким он был до войны, когда улицы и бульвары были заполнены ромашками белых матросских фуражек; потом в июне 1942 года, когда над ним кружились каруселью немецкие самолеты и вился черный дым. В следующую минуту все это исчезло, и возникло видение будущего. Это был Севастополь белого камня, бронзы, кипарисов и пальм. Город бриллиантовых гирлянд, электрического света, город роз. Гавань великого флота.

И мне стало легко. На земле все бывает: умирают страны и города, оазисы превращаются в пустыни. Но Севастополь не подвержен смерти.

„Одни развалины, пепел...”

Девяносто лет тому назад на месте Севастополя тоже были камни, когда красноштаннные зуавы Сеит-Арно бросали на него круглые фитильные бомбы. Но Севастополь возродился, и на щите его возникло бессмертное слово: „Слава“.

Два года тому назад фон-Манштейн и фон-Рихтгофен тоже пытались превратить в прах наш Севастополь. Но вот он снова перед нами. И все, кого судьба столкнула здесь, у Малахова кургана, в этот день, все—от бронебойщиков морской пехоты до армейских кашеваров—с изумлением смотрят на город. Как он непохож на тот сказочный Севастополь, образ которого они в боях несли сюда! Одни развалины, пепел да крик чаек над Северной бухтой...

И все же, поруганный немцами, обожженный черными языками огня, он прекрасен в своем страдании, наш великий город! Город, где прогремели на весь мир подвиги советских матросов Ивана Голубца, Ноя Адамия, снайпера Людмилы Павлюченко, Ивана Богатыря, пятерки храбрейших: Фильченкова, Паршина, Цибулько, Одицова и Красносельского. Город матроса Петра Кошки и Даши Севастопольской. Усыпальница бессмертных адмиралов Нахимова и Корнилова...

Дорога поворачивает на вокзальное кольцо, к Южной бухте. Над бухтой висит дым. На воде плавают бочки, бревна, ящики. Сквозь клубы дыма вырисовывается форма пловучего крана, с флагом на вершине. Вьется дым и над скелетом панорамы. Он ярко выделяется среди черных остовов Чапаевки.

Мы спешим вперед. На улицах города вражеские трупы. Особенно много их у вокзала. Они лежат прямо на дороге. У одного из них мертвая

пурица, зажатая закоченелой рукой. Машина выносит нас по длинному и такому знакомому подъему на Ленинскую. С болью мы озираемся по сторонам: камни, щебень, дым, битое стекло, трупы. Не сговариваясь, мы снимаем фуражки и склоняем головы. Губы шепчут: „Здравствуй, Севастополь, здравствуй, страдалец“. Медленно ползут машины к Графской пристани. Дома изуродованы настолько, что их не узнать. Над водной станцией вьется флаг, над портиком Графской пристани на флагштоке тельняшка и бескозырка.

Группа матросов стоит и молитвенно смотрит на Северную сторону. Под берегом виднеется какая-то черная точка. С каждой минутой она увеличивается, и, наконец, глаз различает ялик. За ним в кильватере—другой. В яликах за веслами—старички. Они лихо подходят к ступенькам пристани.

— Эй, на берегу!—кричат оба сразу.—Кому на Северную?

Матросы сбегают по ступенькам. Быстро рассаживаются в яликах и, когда шлюпки отчаливают, вскидывают вверх автоматы и разряжают их, салютуя городу.

Мы долго не можем оторвать глаз от тельняшки и бескозырки, поднятых матросами над городом вместо флага как символ чистоты и бессмертия русской морской души.

Под стеной одного из уцелевших домов мы видим танк. Он первым вылез на крепостной вал Сапун-горы и первым прорвался в город. Тельняшка и танк, матрос и солдат—щит Севастополя.

История напишет на этом щите еще раз выпуклое, немеркнувшее, бессмертное слово: „Жизнь“.

СОПОЧКА

Вывавшись из узкой горловины глубокого ушелья, танки подполковника Тарасова под вечер оседлали севастопольское шоссе и быстрым маршем ринулись на штурм первого обвода севастопольских укреплений, за которыми сидели немцы. Сам подполковник, пересев из „Виллиса“ в танк, сидел у перископа и вел наблюдение за боем. Вдруг глаз его остановился на группе моряков, двигавшихся не в сторону немецких укреплений, а правее—к небольшой сопке. Группа привлекла внимание подполковника странным перестроением: то их было трое, то двое, то они шли, то останавливались. Подполковник приказал водителю подойти к ним. Когда танк подскочил к морякам, танкисты сразу поняли, в чем дело: двое моряков тащили третьего своего товарища, истекающего кровью.

— Вы почему здесь?—строго спросил подполковник. — Почему в санбат не несете его?

— Не можем,—ответил раненый и, переводя дух, добавил,—нельзя нам уходить.

— Это почему же?—спросил подполковник.

— А как же сопочка...

— Какая сопочка?—удивился подполковник.

Раненый, опираясь на руки товарищей, поднялся и, пересиливая боль, сказал:

— А вот та, что перед вами. На клотике той сопки одиннадцать фрицев сидят. С утра их гоняем. Их было двадцать. Девятерых мы на мертвый якорь поставили, а эти одиннадцать самым полным от нас дали. И на той сопочке засели...

Подполковник насупил брови и, стараясь быть серьезным, отдал приказание: „Сейчас же в санбат“.

— Нет, — возразил раненый, — не можем мы эту сопку так оставлять. А потом, товарищ подполковник, нечего нам по санбатам ходить, нам в Севастополь надо. Там отдохнем и полечимся.

Подполковник улыбнулся.

— Ну, раз вам так хочется взять эту сопочку, полезайте ко мне на танк!

Моряки быстро взгромоздились, и танк полез на сопку, как линкор на волну.

В течение каких-нибудь пятнадцати минут сопочка была очищена.

Подполковник поблагодарил матросов и отправился к своим железным войскам, а матросы пошли по склону сопки. И когда вышли на дорогу, то не пошли в санбат, как обещали, а повернули в сторону Севастополя.

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ЛЕГЕНДА

Здесь все волнует: и камни мостовой, похожие на раскрытые страницы древней книги, и берега бухт, окованные голубой сталью воды, и старинные курганы.

Чудо-город!

В мире эпитетов нет такого слова, которым было бы достойно украсить Севастополь. Даже красивый, как узоры ковра, язык Востока, бледен в сравнении с теми чувствами, которые будит в душе русского человека этот город. Даже самый дорогой алмаз не сияет рядом с обыкновенным севастопольским камнем.

Севастопольский камень, политый кровью двух веков, — живой камень, содержащий в своем покое

чистый, как синее море, матросский характер, железный русский дух и нестигаемую волю.

Есть много легенд о севастопольском камне. Говорят, будто группа моряков перед оставлением Севастополя в июле 1942 года унесла с собой кусок камня из парапета Приморского бульвара и каждый моряк из этой группы поклялся живым или мертвым принести его обратно и поставить на место.

Говорят, будто в Карантинной бухте под телом убитого моряка в том месте, где из сердца его излилась кровь, земля Севастополя спеклась, как терракетта, и друзья этого моряка, предавая его прах земле, разобрали весь сплав земли и крови и затем, воюя под Новороссийском, Анапой и Керчью, никогда не знали страха и всегда побеждали:

Еще говорят, будто те моряки, которые в июле 1942 года взяли с собой по шепотке земли с Херсонесского мыса и затем носили ее в мешочке у сердца, ни разу не были ранены.

Так ли это? Но разве, когда прослушают легенду, спрашивают: „Это правда?“ Не задают такого вопроса и тогда, когда правда переходит в легенду.

Я не знаю, принесли ли обратно в Севастополь матросы тот камень, который они взяли из парапета Приморского бульвара. Но мне рассказывали о трех матросах, которые вместе с солдатами четвертого Украинского фронта с боями пробирались к Севастополю от самого Дона. Под Сапун-горой все трое были тяжело ранены. Их хотели отправить в тыл, в госпиталь. Они упростили, чтобы не отправляли, а дали бы им возможность добраться до Севастополя, чтобы там

умереть. Моряков любили в части. Сколько они подвигов свершили на пути к Севастополю—не счесть! Какие они были веселые—не рассказать! А какие красивые—не описать! Их уложили на носилки и спрятали в глубоком блиндаже. Самая лучшая, самая красивая из медсестер части была приставлена к трем морякам. Три дня и три ночи, пока шел штурм Севастополя, она, не смыкая глаз, лечила моряков. Они повеселели, хотя жизнь их все еще была в опасности.

Девятого мая наши войска взломали укрепления у Сапун-горы и двинулись к городу.

Полк, с которым шли от Сталинграда моряки, первым выскочил на высоты и, не останавливаясь, продвигался до Малахова кургана. Не доходя кургана, полк занял позиции в балке. Ночью к балке подтянулись тылы. Сюда же привезли и трех моряков. Близость Севастополя и забота сестры-красавицы действовали на них, как чудодейственный бальзам. Они даже шутили. И эту ночь, впервые после ранения, спали сном богатырей. В то время, как три моряка спали, передовые подразделения полка вошли в Севастополь. А на зорьке прискакал вестовой и сообщил эту радостную весть. Красавица-сестра сказала об этом морякам. Они начали умолять ее, чтобы их во что бы то ни стало доставили туда. Она согласилась отвезти их в Севастополь.

Моряки попрощались с друзьями-приятелями, пожелали всем здоровья и боевых удач и поехали. Когда машина подъехала к Малахову кургану, они упросили сестру помочь им подняться на святой холм. Слезли и пошли. Сначала сестре было трудно их вести, но с каждым шагом она чувствовала, как у них прибавлялось силы. Когда

взошли на курган, все трое молча опустились. Поцеловали землю, затем прижались к ней сердцем и долго так лежали. Сестра забеспокоилась. Okликнула матросов. Они быстро встали, как по команде. Все три—красавцы. Три силача. Здоровые и прекрасные, как кровь с молоком. Они подошли к сестре и, как родные братья, по очереди обняли ее, расцеловали, и один за всех поблагодарил:

— Спасибо тебе, сестрица.

Затем повернулся к Севастополю и ему сказал:

— Спасибо тебе, родная земля.

Второй снял с себя бескозырку и протянул ее сестре. Третий—тельняшку. Когда он снимал ее, то сестра не заметила на теле его ни одного рубца—все затянула севастопольская земля.

Первый посмотрел, посмотрел—дарить ему нечего было. Тогда он вынул из ножен матросский нож—бебут, сталь которого от удара не зубрится, а точится, припал на колено и вонзил жало ножа в землю. Он вырезал небольшой кусок инкерманского камня. Встал и, подавая его красавице-сестре, сказал:

— Прими, сестрица. Камень этот дороже золота и алмаза. Береги его, как нас берегла, и ничто тебя не тронет: ни пуля, ни штык. Прощай, сестра, и помни, что у тебя три брата, три друга. Что бы с тобой ни случилось, крикни, и мы явимся по твоему зову. Помни, что родная земля и дружба—самая большая сила в жизни. Никогда не обманывай друзей, никогда не брезгай родной землей. За родную землю и за дружбу не бойся умереть.

Сказал это и пошел. За ним двинулись второй и третий. А сестра стоит и плачет. Четыре круп-

ных слезы, как белые искры, скатились с ее щек и упали на землю. И там, где они упали, выросли четыре прекрасных цветка—голубых, как море, чистых, как воздух, ароматных, как жизнь.

СТ А Р У Ш К А

Возле севастопольской почты я встретил старушку. Ее маленькое, сморщенное, глиняного цвета личико, с живыми веселыми глазками под выцветшими бровями, показалось мне очень знакомым. Она была одета в серенькое платье, поверх которого коробился старенький жакет, опоясанный наискось через плечо ремнем противогазовой сумки. На ногах—стоптанные башмаки. Седеющие волосы выбивались из-под старенького берета. Она спешила куда-то. Но заметив, что я пристально слежу за ней, остановилась и задорно, голосом, не свойственным ее возрасту, спросила:

— Чего смотришь? Не узнаешь? Здорово я изменилась? Постарела?

И я вспомнил.

— Здравствуйте, Капитолина Ивановна,—сказал я и пожал ей руку.

— Здравствуй, здравствуй, родимый. Откуда ты? Что-то я не припоминаю тебя.

— Я сказал.

— А как же, как же. Помню! Помню! Жив, значит? Слава тебе господи! Ну, я спешу. Увидимся. Вы опять на Ленинской?

— На Ленинской...

Она быстро побежала вверх по ступенькам каменной лестницы, которая идет с почты, с улицы Карла Маркса, на Советскую.

Я смотрел ей вслед и в который раз со дня прибытия в Севастополь дивился чуду русской силы, чуду выдержки и той любви к жизни, к своему родному, какая сохранилась у русских людей, несмотря на то, что в течение двадцати двух месяцев немцы всячески старались выбить ее из них всеми мерами: угрозами, голодом, унижениями.

Капитолину Ивановну, маленькую старую почтальоншу, знает весь Севастополь. Ей 54 года. Восемь месяцев обороны Севастополя она неутомимо с утра и до вечера разносила письма и телеграммы. Над улицами Севастополя летели снаряды, трескали мины, а она, прижимаясь к стенам полуразрушенных домов, перебегая с улицы на улицу, подлезая под машины, ползком, тщательно оберегая свою почтовую сумку, — пробиралась всюду. Ее видели на аэродроме Куликова поля, на лестнице командного пункта флота, на постах СНИС, в городских убежищах, где среди дремлющих, усталых она находила нужного ей человека и вручала ему пакет или телеграмму. И когда она находила адресат, маленькое сморщенное личико ее сияло неподдельной радостью.

В те грозные и суровые дни служение делу она считала своим высшим долгом и, когда исполняла его, была по-настоящему счастлива. Были дни, когда она очень уставала. Но, добравшись до переднего края обороны, где пчелами пели пули, где, обливаясь потом, черные от пыли и порохового дыма матросы с воспаленными от недосыпания глазами встречали ее, как родную мать, Капитолина Ивановна забывала на время о себе, о ноющей боли в ногах, о голодной ворчливости желудка. Лицо ее озарялось сиянием, и она звонко кричала:

— Здравствуйте, сынки! Принимайте гостей! И защитники Севастополя тоже забывали об усталости. Лица их оживлялись улыбками.

— А, Капитолина Ивановна! Мамаша! Как вы добрались сюда?

— Там, где прошли дети, мать всегда пройдет. Матросы жали ей руки, угощали. И, нагрузив письмами, ласково напутствуя, провожали балочкой.

Первого июля 1942 года бои завязались на улицах города. В разных местах возникли пожары. Почта закрылась. Капитолина Ивановна осталась без дела. Грустная, сидела она дома. Уже улыбка не озаряла ее лица. Уже не слыхала старушка больше родных голосов. В Севастополь вошли немцы. Она закрыла свой дом на ключ. Легла в постель и приготовилась встретить смерть. Холодно было на сердце у старенькой женщины. Тоска начала изводить ее. Несколько дней она пролежала дома. Немошь навалилась на нее. Руки и ноги стали тяжелыми: даже кружку воды, и ту стало тяжело подносить к дрожащим губам. Сколько передумала за это время Капитолина Ивановна—знает только ее изболевшаяся душа. Сколько слез пролила—знают только ее глаза. Потом она встала, повернула ключ в дверях и вышла на улицу. Прошла к почте, но увидела там толпу хозяйничавших немцев и еще более грустная вернулась к себе.

Двадцать два месяца Капитолина Ивановна прожила в Севастополе, как во сне. То, что она видела и пережила, было похоже на кошмарный сон, в котором человек всегда бывает беспомощен, как дитя: хочет ногой двинуть—не может, хочет крикнуть—голоса нет. Иногда ей казалось,

что в дверь, обрядившись в серозеленый мундир и стальную каску, стучит сама смерть. Старушка долго и набожно крестилась: „Пронеси, господи, пронеси, господи!“

Но вот пришла весна 1944 года. Вместе с пением птиц, свивших себе гнезда в развалинах Севастополя, однажды она услышала далекое гудение в небе. И вот тогда она впервые улыбнулась. Она не скрылась в убежище—ведь это свои летели. Они несли на своих крыльях свободу. И когда на землю Севастополя со свистом упали первые бомбы, она перекрестилась, как это делают крестьяне, когда на землю падают первые крупные капли долгожданного дождя.

9 мая 1944 года вечером в Севастополь ворвались наши танки, 10 мая на рассвете нескончаемым потоком потянулись войска. Капитолина Ивановна, как перед великим праздником, постирала свое платье, помылась, причесала волосы, почистила ботинки и, перекинув через плечо сумку почтальона, вышла на улицу. С утра почта, которую она посетила в первую очередь, была пуста. Капитолина Ивановна вышла к спуску у Южной бухты и, не обращая внимания на лившиеся из глаз слезы, постояла несколько часов, размахивая платочком. А когда увидела первые машины с моряками, кинулась к ним:

— Милые, родимые!

Матросы и офицеры, с медалями „За Оборону Севастополя“ на груди, сразу узнали в старенькой женщине своего испытанного друга.

— Братцы!—раздалось по машинам.—Глядите: Капитолина Ивановна! Живая! Старушка наша! И опять с сумкой!

И как два года тому назад, Капитолина Ивановна возвращалась в этот день домой, озаренная счастливым сиянием.

11 мая она чуть свет пришла на почту. И, не обращая внимания на надпись: „Осторожно—минировано!“, принялась за уборку помещения. А на следующий день ее маленькая фигурка мелькала на улицах Севастополя. Она разнесла в этот день по адресам 3500 писем...

ВОЗМЕЗДИЕ! ВОЗМЕЗДИЕ!

Четырнадцатого мая, поднимаясь по тропе на Исторический бульвар, я увидел на восточном склоне матроса. Склонив голову, он смотрел в землю и правой рукой кому-то грозил. Я заинтересовался. Подошел ближе. И увидел следующую сцену: на земле, в пыльной траве, лежит убитый немец. А матрос стоит над ним и, грозя ему рукой, говорит:

— Мало. Мало тебе досталось. Легко ты отделался. Помучить бы тебя так, как ты нас мучил. Заметив меня, матрос сказал:

— Думал, уйдет он. Нет, нашелся, супчик. Ох, и зверь был! Бил нас, чем попало. И все норовит ударить кулаком по лицу, да с потягом. У него все пальцы с кольцами. Ну, с потягом оно больнее получается.

Я спросил матроса, при каких обстоятельствах он попал в плен. Он рассказал, что служил во время обороны Севастополя в бригаде Горнищенко. 19 июня был ранен и эвакуирован в Песочную бухту. Пробыл там до 1 июля. А в ночь на 2 июля прорвался на 35 батарею и тут застрял

до 8 июля, скрываясь в щелях у батарей. 9 июля сцапали. И давай гонять по лагерям. В Симферополе был. Там пленных рассортировали по специальностям. Он назвался водолазом и попал опять в Севастополь, в лагерь, что за минной башней.

— Этот супчик, — продолжал матрос, — хозяином над нами был. Заставлял нас воду в бочках возить. Машины стояли, а воду на нас возили. И возили по Ленинской, чтобы все видели, что на матросах воду возят.

12 апреля я сбежал. Спрятался на Петровской горке в сарае с сеном. 9 мая вылез из сарая, встретил у вокзала наших автоматчиков и повел их в город. А потом ушел с ними на передовую, к Херсонесу. Пробыл там двое суток. Между прочим, его я везде искал. Хотел сам убить. Оказывается, его без меня успокоили. А жалко, что не я.

Долго стоять у трупов было неприятно. Он уже разлагался под палящими лучами солнца. Мы поднялись к панораме, архитектурный скелет которой тоскливо маячил над бульваром. Мы вошли внутрь. Панорама была пуста, но все стены ее были испещрены надписями. Я стал разбираться в них, и, когда дошел до скелета крыши, сердце мое наполнилось тяжестью, словно я прочитал страшную книгу.

Да, это была своеобразная книга, написанная многими людьми, пережившими ужасную трагедию. Слова эти жгли сердце, будили ум и чувства и звали к возмездью. Я записал некоторые из них и привожу здесь:

„Здесь были два друга — верные сыны России. Лев и Валерий“.

Разрушенное немцами здание Севастопольской панорамы.

„Здесь, наверху, я в последний раз махнула платочком Жоржу, когда уходил поезд. Прощай, Жорик, что ждет тебя в Германии? 1943 г. Нина П.“

„За что они убили мою Лидочку, за что? Клавдия С.“

„Смерть фрицам за то, что они надругались над военнопленными и сожгли их в барже. 4. 1. 44 г. Х. М. К. П. О. В. Т. Н.“

„Смерть немецким бандитам!“

„Смерть гитлеровским бандитам за надругательство над русским народом. 4. 1. 44 г. Х.М.“

„Здесь были защитники Родины. Нюра, Дуся, Лида, Фрося“.

„Привет Краснодару из Севастополя. 11. III. 44 г.“

Матрос, которого звали Федором, сказал мне, что надписи есть и в бараках на Пироговой и в равелине. Обошли пустые бараки. И здесь те же, но еще более тоскливые надписи.

В каменных мешках Константиновского равелина тоже были начерчены прощальные слова:

„Дорогая Родина, не забывай нас, мы не забудем тебя“.

Ниже стоит дата и еще текст:

„5 мая 1944 г. были здесь Крогулецкие Лида, Вадим, Тасик. Вывозят неизвестно куда. Досвиданья, дорогие. Сообщите родным в Евпаторию“.

„Почтим память находившихся в лагере жителей Бартеньевки и Северной. Беликова, Воронина, Луцик“.

Тяжелые и жгучие слова нанесены на камни дрожащими руками русских людей. Они зовут к мщению. Возмездие, возмездие гитлеровским извергам!

НА МАЛАХОВОМ КУРГАНЕ

Вслед за стариком, гнавшим впереди себя козу, я поднялся по крутой тропе на Малахов курган. Старик шел, тяжело вздыхая, и за что-то журил козу. Поднявшись на курган, он зыкнул на животное и легко пошел по гребню. Вскоре он скрылся из глаз. Я опустил на площадку кургана. Высокий бурьян, ветки иудина дерева, разбитые блиндажи, обгорелые остовы машин, ржавая жест консервных банок, распотрошенные матрацы—это все, что осталось здесь от немцев, напоминая о недавних боях.

Кругом мертвая тишина, только слышно, как кузнечики стучат своими живыми молоточками в стеблях весенней поросли, да какая-то птичка нестройным пением кличет свою подругу. Я дошел до места, где 5 октября 1854 года был смертельно ранен адмирал Корнилов. 22 месяца тому назад здесь стоял бронзовый памятник адмиралу. Фигура его была обращена к морю, и на ней сияла символическая надпись: „Отстаивайте же Севастополь“. Защитники Севастополя, герои второй обороны, с достойным мужеством отстаивали город русской славы; каждый раз после трудной ночи они с надеждой обращали взор на бронзового адмирала и, убедившись в том, что он еще цел, с еще большим упорством дрались с врагом.

Нет теперь ни памятника, ни надписи. Один лишь гранитный постамент. Не узнать и знаменитого бастиона, где соратники Корнилова—русский офицер, тридцать солдат и несколько матросов—сражались на удивление всему свету. Противник обкладывал горящим хворостом башню, в которой заперлись герои, пытаясь выкурить их. Но

они не сдавались. Заливали бастион водой, а они продолжали сражаться.

Неподалеку от памятника Корнилову, под серым камнем, покоился прах матроса Киселева, погибшего в 1942 году. На камне заботливыми руками товарищей было выведено: „На этом месте был смертельно ранен краснофлотец Киселев“. Нет ни могилы, ни камня. Рядом с Киселевым в последние дни героической обороны Севастополя под гул разрывов вражеских снарядов был погребен с воинскими почестями отважный матрос батареи лейтенанта Матюхина Дмитрий Альтер. Когда немцы лезли из Трензельной балки на Севастополь, тяжело раненный в обе ноги Дмитрий Альтер пополз исправлять оборванный снарядом провод, связывающий батарею с корректировочным постом. Успел срастить концы провода и тут же умер. Его хоронили ночью. И на свеженасыпанном холмике водрузили артиллерийский памятник—невзорвавшийся снаряд.

Немцы изрыли землю Малахова кургана траншеями, укрытиями, дотами. Только на северной стороне кургана уцелело заклепанное орудие, снятое в первые дни осады города с „Червоной Украины“. На башне каким-то чудом сохранилась надпись: „Смерть немецким оккупантам!“

Где люди, стоявшие у этой пушки в дни севастопольской обороны? Что с ними случилось? Придет ли кто-нибудь из них сюда, чтобы посмотреть на свободный город с высоты святого кургана? Где вы, матросы, герои Малахова кургана?

Тихо на Малаховом кургане. Внизу зияют развалины Корабельной стороны и Павловского мыска. Вдали чернеют пустые глазницы амбразур Константиновского рavelина, а южнее—виден сфе-

рический шар панорамы. И только тихая гладь Южной бухты, отполированная солнцем, сияет вечной жизнью, как медяшка на корабле заботливого боцмана.

Я тщательно осмотрел пушку и артиллерийский дворик, но не нашел ни одной надписи и собирался уже уходить, как вдруг увидел старика с козой. Я окликнул его.

Старик ответил: „Есть!“ и, стегнув прутиком козу, зашагал ко мне.

— Вы здешний? — спросил я его.

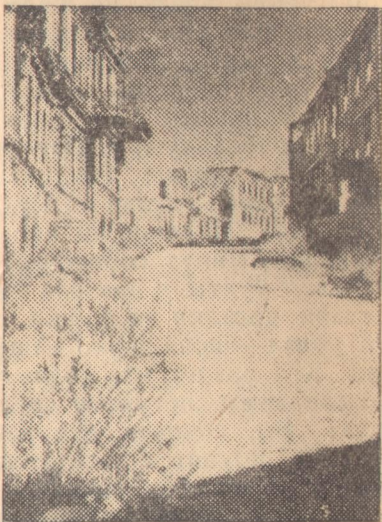
Старик приставил ногу, вытянулся:

— Так точно! С Истоминской улицы.

— Матрос?

— Так точно. Служил на „Двенадцати апостолах“, потом на канлодке „Кубанец“, минером. В девятьсот девятом ошвартовался на берегу и до декабря тысяча девятьсот сорок первого служил флоту на Морзаводе.

Он расправил седые колючие усы, погладил небритый подбородок, одернул брезентовый пиджачок и, как будто сразу помолодев, весело поглядел на меня и сказал:

Руины Севастополя.

— Как увижу моряка, поднимаюсь весь, как будто лет становится меньше. Мне шестьдесят два, а чую себя сорокалетним. Эх, товарищ офицер, и нахлебались мы тут горюшка. Все это время, что был немец здесь, не жили мы, а малым ходом к смерти шли. Козу, и ту пришлось в убежище на мин-репе держать, чтобы не „вытралили“, ироды. Дай бог тому здоровья, кто спас нас. В пятницу это было, не помню, 4 или 5 мая, с утра оцепил немец всю Корабельную: от Павловского мыска до Истоминской и сказал: „Тридцать минут вам на сборы“. То же самое сделал на Рудольфе и на Петровой слободке. Пришли мы все с узелочками—чего за тридцать минут соберешь? Собралось нас возле Южной бухты у вокзала тысяч восемь. Пока мы ждали посадки на баржи, немец по всем хатам шуровал—барахлишко наше тащил. Ну, стояли мы. Кто плачет, кто молча горе свое переживает, а жандармы петухами среди нас ходят и бормочут: „Вы, говорят, все наверху будете и, как только появятся самолеты, кричите: „Русские здесь“. Платками, полотенцами махайте; у кого есть дети, детей показывайте“. Мы решили—не будем кричать. Не будем. Пускай погибнем, зато и немцев тысячи погибнут. Он своих-то, товарищ офицер, сажал в трюмы, а нас, как маскировку, на палубу. Вот какой сволочь!.. Да, стоим мы, и вдруг, как вам уж передать, я не знаю, наши на Северной стороне объявились и дали первый выстрел. Снаряд попал в машину, где сидело четыре жандарма. Машина в куски, от жандармов—пыль одна. Потом пошли еще снаряды. Один за другим, да так ловко, что жандармы запрыгали, а мы стоим и никакого страху—свои бьют. А жандармы орут: „Цивиль, veg

по домам". И первые давай тикать. Вот так и спаслись. Спасибо вам, сынки. Эх, если бы узнать фамилию того бойца, кто дал первый выстрел в пятницу с Северной стороны, уж и отблагодарили бы мы его!

Старый матрос задумался.

— Прямо не верится, как мы остались живыми. Угнал бы всех нас немец и в море утопил, если бы не артиллерия. В пятницу, в субботу и в воскресенье как пошли снаряды, и все кончили. Теперь опять для нас счастье настало. Но я скажу вам, как моряк моряку, как тяжело мне ни было, верил, что наши придут. Спасибо вам за освобождение. Сейчас я еще болею—нога у меня поранена. А как подлечу ее—опять на завод. Мы все, старики, придем. Я думаю, мы восстановим морзавод: он — кормилец Севастополя. Будем ремонтировать корабли доблестного Черноморского флота и новые строить.

Старик пожал мне руку и, немного прихрамывая, но молодо, как будто ему и в самом деле было не больше 40 лет, пошел вниз.

Внизу лежал молчаливый и строгий Севастополь.

Глядя на удалявшегося старого матроса, на руины Севастополя, на дым, который стлался над городом, на кружившийся неподалеку „У-2“, я вспомнил Севастополь в июне 1942 года. Тогда я видел на улице Ленина разбитый бомбой платан. Он был похож на тяжело раненного. Но листья на его беспомощно опущенных ветках зеленели—могучий корень давал им животворящие соки.

Сейчас Севастополь похож на этот платан. Могучий корень русской стойкости и силы народной дает ему животворящие соки.

Глядя на Малахов курган, на распрямленные плечи старого матроса, на страдалец Севастополь, невольно думаешь о том, что источник этих соков бессмертен. Он никогда не иссякнет, пока жив хоть один русский человек.

ДОЛИНА ВОЗМЕЗДИЯ

(Из дневника. 12 мая 1944 г.)

Наконец-то, в последний раз вздрогнула от взрывов земля Севастополя. И сразу стихло все кругом. Только лязг гусениц покидающих город танков гулко разносится над бухтой. Я только что вернулся с мыса Херсонес—крайней точки Крымского полуострова, где развязался узел немецкого сопротивления. Такой страшной картины войны, какую я наблюдал сегодня, не может придумать даже самая богатая фантазия художника. Я был под Сталинградом. Но Сталинградская кампания закончилась зимой, и снег многое скрыл от глаза. Разгром немцев в Крыму начался весной, а закончился в разгаре ее, и все, что произошло, даже чудовищная пыль не могла скрыть от взора наблюдателя. Она лишь слегка „состарила“ своим седым налетом свежую картину битвы.

Я попал сюда сразу же после того, как остатки разгромленных немецких войск подняли белый флаг. Это было утром 15 мая. В ночь на 10 мая наши войска вошли в Севастополь, а через двое суток остатки немцев были пленены на мысу у Херсонесского маяка. Немцы никогда не забудут этих суток. Да и мы не забудем того, что видели.

Я ехал дорогой трупов. Ими покрыты холмы и заполнены балки. Вопреки всем законам войны, у наших войск почти нет потерь на этом последнем этапе разгрома немцев в районе севастопольской крепости. Наши войска наступали, а потери ничтожны. Это звучит парадоксально, тем не менее на самом деле было так. Я осмотрел Круглую бухту, Херсонесский маяк, Казачью, Камышовую, Омегу и Стрелецкую бухту. Сюда 9 мая были прижаты немцы. Они сосредоточили здесь тысячи орудий, пулеметов, минометов. Сюда же отошли танки, самоходная артиллерия и свыше пятидесяти тысяч солдат. Мне думается, они радовались, когда их вышибли из Севастополя. Здесь была какая-то надежда на море—авось удастся спастись. Ведь улетел же на самолете „знаменитый“ генерал отступлений Иенеке. Иенеке—инженер-генерал. Он умел строить укрепления, но не умел защищать их. Он бежал из Новороссийска, Тамани, Керчи и закончил свою „полководческую“ биографию бегством из Севастополя. Конечно, немецкие солдаты не знали этого. О „блестящих маневрах“ их генералов им никто не сообщал. Зато они знали все истерические приказы Гитлера. Бесноватый приказывал им „стоять на смерть“.

Но где и когда немцы выстаивали? Два дня они держались с упорством маньяков, и за эти два дня наши авиация и артиллерия измотали их в пух и прах. Лишь очень немногим удалось отплыть от берега. Но и тех настигли в море катеры и авиация Черноморского флота.

Я ехал по свежим следам только что свершившейся трагедии. Еще кровь не спеклась, еще не везде улеглась пыль, поднятая взрывами послед-

них снарядов. Но я не видел трупов советских воинов. Разгром группировки немецких войск довершили артиллерия и авиация. Наши войска вышли к морю уже после того, как авиация, артиллерия и корабли Черноморского флота, сторожевые и торпедные катеры сделали немецкую группировку небоеспособной. Вот чем объясняется небольшое количество потерь у наших войск в эти дни.

Уже от Стрелецкой бухты почти невозможно было ехать. Я оставил машину и пошел пешком. Мне навстречу шли колонны пленных. Вид у них был страшный. Многие шли, опустив глаза. Здесь я нагнал матроса-разведчика Веретенникова. Он воевал в партизанском отряде капитан-лейтенанта Вихмана. Этот отряд спас Ялту от полного разрушения.

Скатившись с вершины Яйлы, лесные матросы во главе со своим лихим командиром влетели в Ялту в тот момент, когда у немцев все уже было готово к взрыву порта и города.

Веретенников первым ворвался в Севастополь. И теперь он шел до берега „Херсонца“, чтобы своим хозяйским матросским глазом глянуть: все ли фрицы получили то, что им положено. Шагая через трупы немцев, обходя горящие машины и разбитые пушки, мы вышли к берегу. Веретенников снял с плеча трофейный автомат и, не прицеливаясь, выпустил длинную очередь. Это был салют матроса. На крымской земле не было больше вооруженных немцев. Над бухтами нашего моря от Новороссийска до самой Одессы не вился больше флаг со свастикой, на маяках не сидели рыжие фрицы. Веретенников оглянувшись вокруг, и улыбка озарила его юное лицо. Кру-

гом, сколько хватало глаза, валялись вражеские трупы и груды брошенной техники, а по пыльным дорогам уныло брели тысячные колонны пленных немцев.

Под берегом на легком прибое качался немецкий транспорт. На прибрежных камнях валялись трупы, жадно раскрыв мертвые рты навстречу соленой волне. Из казачьей бухты тянул запах гари. Горели баржи и корабли, которым так и не удалось в это утро уйти к Констанце. На поле валялись бумаги, рюкзаки, носки, ящики, банки, одеяла, винтовки, автоматы, гранаты, письма, ордена, шинели, зубные щетки, пояса, каски, мины и патроны. Все это было занесено сюда солдатами армии инженер-генерала Иенеке и теперь брошено в панике.

Но самое страшное зрелище открылось у берега моря, в районе Херсонесского маяка. Мое перо не в силах описать того, что мы увидели. Здесь высокий берег. Волны и ветер наделали в нем много ниш. В них прятались немцы. Когда наши войска подходили к берегу, заняли аэродром, тысячи немцев, преимущественно эсесовцы, покончили с собой. Они присоединились к тем, кого часом раньше настигло возмездие, направленное сюда рукой советских летчиков и артиллеристов. Трупы лежат в страшных позах. Но характерно: почти никто из них не смотрит на море. Море подвело их. Море не дало спасения. Кажется, и море заодно с нами. Это место получило название „стена самоубийц“, а все поле было названо „долиной возмездия“.

Когда я возвращался в Севастополь, то вспомнил 3 июля 1942 года. Здесь, у этой стены, после занятия немцами Севастополя, лежали наши мо-

ряки, раненные, истощенные боями и голодом. Немцы забрасывали их гранатами. Еще я вспомнил, что мы Севастополь держали 250 дней. Немцы держались в Севастополе 25 дней. Наши моряки после сдачи Севастополя держались в районе Херсонесского маяка 15 дней, немцы — 2 дня.

ГОРОД БУДЕТ

Перед отъездом из Севастополя я поднялся к памятнику Казарскому и пытался представить себе, как будет выглядеть новый город. Но я ничего не мог придумать. За время войны перед глазами промелькнуло много разрушений, и, откровенно говоря, я привык к ним, или во всяком случае они не вызывали у меня ужаса, как не вызывают ужаса у врача тяжелые раны солдат.

Но руины Севастополя, когда я на них смотрел с постамента памятника Казарскому, а ранее с высоты Малахова кургана и с вышки панорамы, вызвали особое чувство какого-то святого благоговения. Мне чудилось, что я вижу перед собой не развалины, а надгробия священных могил героев двух эпопей.

Это чувство не покидало меня никогда, куда бы я ни шел. Я не мог без волнения пройти мимо развалин дома, в котором жил Нахимов, я не мог без волнения стоять у пушки на Малаховом кургане, где в 1942 году сражались матросы лейтенанта Матюхина. Нельзя было оставаться спокойным и под портиком Графской Пристани. Мне казалось кощунством ходить по Севастополю в фуражке.

Я понял: для того, чтобы представить себе будущий Севастополь, нужно обладать „безжалостностью“ архитектора, который может все это снести и воздвигнуть новое, или трезвостью руководителя, которому в городе прежде всего нужны свет, водопровод, трамваи, заводы, фабрики, причалы, широкие улицы и магазины.

Но Севастополь—особый город. Здесь сильны традиции. Почти весь город населен людьми, отцы и деды которых защищали Севастополь вместе с Нахимовым. Эти люди любят свой город и сделают все для того, чтобы так радовавшие всех кипарисы снова возвышались у перрона вокзала, чтобы у Графской пристани снова приставали ялики, чтобы у водной станции „Динамо“ опять стояла вышка и от нее в воде чайками парили матросы Черноморской эскадры. Но в Севастополе должно появиться и что-то новое. Архитекторы не должны забыть 250 дней 1941 и 1942 годов.

Гладкий гранит, черный скорбный мрамор, бронза и белый инкерманский камень, увитые плющом и глициниями, под шелест пальмовых листьев и шум морского прибоя, трепетными словами, высеченными по камню золотом, должны будут рассказывать поколениям о тех, кто, презрев страх смерти, отдал свою жизнь за Родину под стенами этого города. Камни и бронза должны быть бессмертным памятником титанам русского духа.

Когда это будет? Кто это сделает? Как будет сделано? Не знаю. Но это должно быть и будет сделано. В своей записной книжке я нашел несколько рассказов черноморских матросов. Вернее, это не рассказы, а мечты. Мечты о буду-

щем Севастополе. Я выписал их из газеты „Красный Черноморец“. Они были напечатаны 11 марта 1944 года, т. е. за два месяца до освобождения Севастополя от немцев.

Вот каким хотят видеть Севастополь черноморцы:

СТЕКЛЯННОЕ МОРЕ И 250 БРИЛЛИАНТОВ

„Я хочу, чтобы над новым Севастополем на необыкновенной высоте сияла большая пятиконечная звезда, на которой будут сверкать 250 самых дорогих бриллиантов. В центре звезды—светящаяся фигура моряка. Эту звезду укрепить на вершине шпиля, основанием которого послужит четырехугольное здание. По карнизам здания надо установить бронзовые группы моряков. Одна группа—краснофлотцы, обвязанные гранатами, бросаются в бой, другая—краснофлотцы с автоматами идут в атаку. А выше всего краснофлотец прикрывает огнем пулемета товарищей, наступающих на врага. Памятник лучше всего поставить на вершине Исторического бульвара.

Наш город построят заново. Улицы проведут широкие, вдоль тротуаров посадят деревья. Нижние этажи домов надо выложить по фасаду таким материалом, чтобы они были, как зеркало. Дома покроются рельефными изображениями эпизодов из первой и второй обороны Севастополя. Интернациональная площадь расширится, ее вымостят стеклянными кирпичами, и будет казаться, что это море, среди которого стоит памятник В. И. Ленину.

Краснофлотец *С. Кульминский*.

МОСТ ЧЕРЕЗ СЕВЕРНУЮ БУХТУ

Я—коренной житель Севастополя. Прожил в нем пятьдесят лет. Служу на линкоре „Севастополь“ десять лет. Я люблю свой родной город—город славы русского флота, русского оружия. Мой дед и прадед жили в Севастополе. Дед участвовал в первой обороне. Я знаю, что мой родной город сейчас разрушен немецкими варварами. Я знаю, как храбро сражались за Севастополь черноморские моряки. Я сам был участником второй обороны Севастополя.

Каким я желаю в будущем видеть свой город? Прежде всего я хочу, чтобы у входа в бухту был поставлен памятник погибшим в Отечественной войне кораблям. На Малаховом кургане надо построить панораму второй Севастопольской обороны. Она должна быть в два раза больше старой. На нижней части фасада, на барельефах изобразить самые яркие эпизоды второй Севастопольской обороны. Вокруг верхней части фасада по карнизу установить скульптуры героев Севастополя. Наверху следует поставить большие фигуры моряка и красноармейца. Чтобы связать Северную сторону с Малаховым курганом, нужно перекинуть через Северную бухту огромный красивый мост. Под ним должен свободно проходить линкор. Необходимо построить такой же мост и через Южную бухту от госпиталя к Интернациональной площади.

Севастополь всегда был зеленым городом. В новом Севастополе будет еще больше красивых деревьев. У городского кладбища раскинется красивый парк. Он свяжет слободки Цыганскую, Рудольфа и другие и станет любимым местом отдыха севастопольцев. Мичман Ф. Лужков.

ПАМЯТНИК В 10 МЕТРОВ

На Малаховом кургане я предлагаю поставить бронзовый памятник высотой в 10 метров. Он должен изображать советского моряка, пожимающего руку матросу Кошке. В центре города надо построить Дом моряка. Над главным входом вделать мраморную плиту с текстом письма И. В. Сталина защитникам Севастополя.

Краснофлотец *Хливнюк*.

ГЕРОЯМ ДЗОТА №11

На Историческом бульваре надо установить памятник героям дзота №11. В скульптуре должен быть запечатлен тот момент, когда моряки дают клятву перед портретом Сталина, а внизу на мраморе выгравировать текст клятвы и имена героев.

Краснофлотец *Драй*.

НА ПОСТАМЕНТЕ—САМОЛЕТ

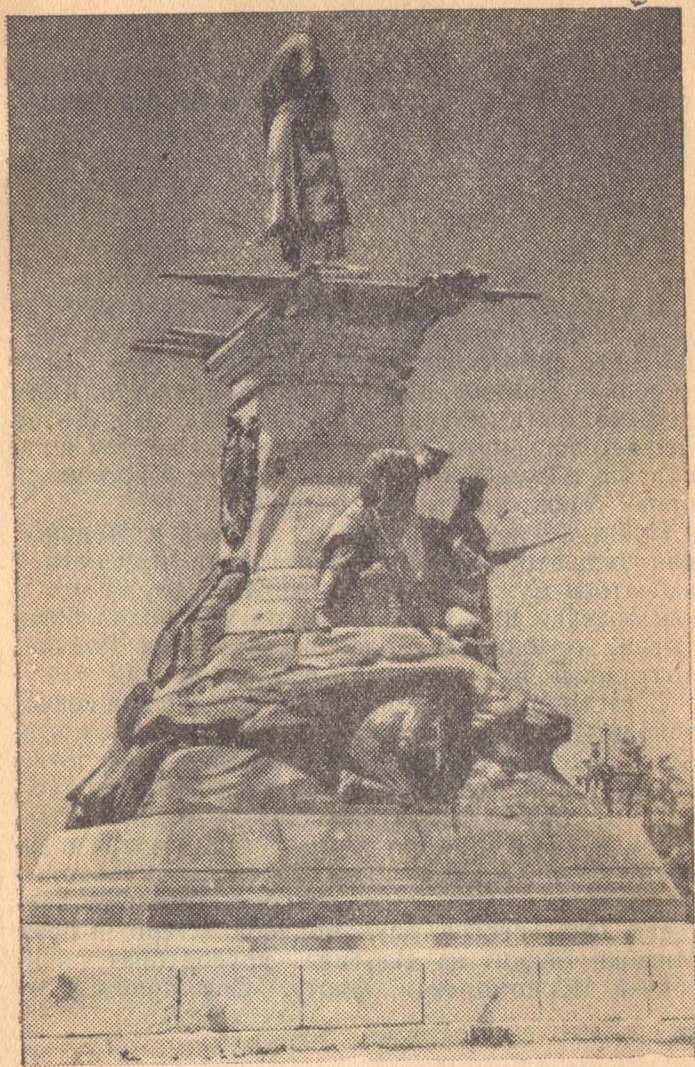
На аэродроме у Херсонесского маяка должен стоять памятник летчикам, изображающий истребитель, возле которого стоит пилот.

Краснофлотец *Тарасенков*.

У КОНСТАНТИНОВСКОГО РАВЕЛИНА

На хорошем месте, у Константиновского равелина, надо воздвигнуть памятник его героическим защитникам, но так, чтобы издали видны были фигуры моряков, ведущих бой с немцами.

Краснофлотец *М. Буров*.

Севастополь. Памятник Тотлебену, обезглавленный немцами.

НАХИМОВ С НАМИ

Обязательно надо восстановить памятники героям первой обороны Севастополя—Нахимову, Корнилову и Тотлебену.

Краснофлотец *Крючков*.

В этих мечтах много любви, чувств и русская широта фантазии. Будет ли все это? Не так важно знать сейчас. Не нужно забывать, что Севастополь не Пантеон, а прежде всего крепость, и все должно быть подчинено этой идее. Но это не мешает построить внутри крепости Пантеон, и панорамы, и музей, и каждый камень, где пролилась кровь героя, освятить его именем.

Пусть Севастополь будет Меккой и Мединой для тех, кто захочет исцелиться от трусости и набраться мужества. Пусть дети знают, за что и как воевали их отцы. Пусть те, кто родил богатырей, исполнятся благодарностью к Родине, почтившей вечной славой память героев.

Севастополь возродится скоро. У здания севастопольского горисполкома на третий день после освобождения Севастополя от немцев я встретил девушку с чемоданом в руках. У нее было белое простое лицо русской женщины. Она с любопытством и некоторой растерянностью смотрела на улицу Ленина, на развалины Корабельной стороны, на голубое южное небо. Ее зовут Файна Миленцева. Она—сестра двух моряков. Старший брат Михаил служит на Балтике, другой брат Алексей—в Черноморском флоте. Она прибыла из

далекого Иркутска строить новый Севастополь. Она выехала из дому, когда бои шли еще на подступах к Крыму, и вместе с войсками пришла в Севастополь. Вслед за ней из далекой Сибири в Севастополь выехали еще 50 девушек. Всю эту группу возглавляет комсомолка инженер-орденоносец Нина Сергеевна Виноградова. Девушки войдут в армию строителей города-героя. Они возродят Севастополь и останутся его жителями.

Город будет. И будет скоро.

Немцы разрушили Севастополь и все его предприятия, но уже 10 мая, т. е. в день освобождения Севастополя, вышел первый номер газеты „Слава Севастополя“. Хлебозавод к 5 часам дня выдал первый хлеб, а в 10 часов из репродукторов раздался голос Москвы.

11 мая жителям Севастополя было вручено свыше 3500 писем. Поликлиника Корабельной стороны открыла прием больных.

12 мая начала работать баня.

14 мая закончена расчистка улиц. В подвале, на улице Ленина, 48, показан севастопольцам фильм „Два бойца“.

16 мая по водопроводным трубам побежала вода.

19 мая управляющий трестом электроснабжения включил электрический свет. На Северной стороне начались занятия в школе.

Что это, чудо? Нет!

В Севастополе до войны было свыше ста тысяч жителей (без флота). 13 мая 1944 года было зарегистрировано 1019 человек, 20 мая—10 тысяч жителей. Как только смолкли выстрелы,

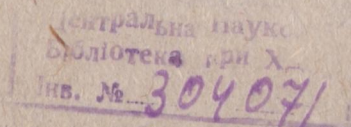
мастеровые русские люди, внуки нахимовских матросов, вылезли из нор и лесов, пришли в свой город и денно и нощно трудились над тем, чтобы в городе как можно скорее закипела жизнь. Так же трудятся они и сейчас. Но теперь они не одиноки—в Севастополь со всех концов России съехались инженеры, архитекторы, шефы флота, комсомольцы. Город с каждым днем оживает. И, как сказочный Илья Муромец, он скоро встанет, развернет свои форты и батареи, сады и улицы и покажет силушку русскую—непобедимую.

Май 1944 года.

Севастополь—Геленджик.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Мы входим в город	5
Таня	10
Иван Иванович Богатырь и другие	11
На редакционном проводе	15
Стена	16
Раскинулось море широко...	20
Лидер „Ташкент“ и его командир	23
Гарнизон бессмертных	31
Парень из Севастополя	33
Наташа	36
Возвращение	45
Встреча	50
Сопочка	58
Севастопольская легенда	59
Старушка	63
Возмездие! Возмездие!	67
На Малаховом кургане	71
Долина возмездия	76
Город будет	80

Ответств. редактор *Н. Завзайков.*
Техредактор *В. Миллер.*

НФ 12021. Заказ № 4464. Тираж 5000 экз.
Объем 5 1/2 печ. листов, 2,75 авт. листа. Сдано в производство
29/X 1945 г. Подписано к печати 4/XII 1945 г.
Типо-литография Изд-ва „Красный Крым“.